VISIT…

СЛУЖБА СОЛДАТА

въ

ПРИМѢРАХЪ

съ рисунками.

Составилъ Д. Д. КАШКАРОВЪ.

ИЗДАНІЕ 3-Е ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Цѣна **30** копѣекъ.

Издалъ В. Березовскій

С.-Петербургъ, Колокольная ул., домъ № 14.

1897.

675

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 8 октября 1896 г.

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій переул., № 13.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Отъ составителя 3

I. **Знамя** 5

Рядовой Петровъ.— Унтеръ-офицеръ Старичковъ.— Унтеръ-офицеръ Любанскій.— Унтеръ-офицеръ Андрей Снозикъ.— Митрофанъ Ивановъ.— Рядовой Авчинниковъ . . . . . .

II. **Присяга** 9

Генералъ Эртель.— Генералъ Дохтуровъ подъ Аустерлицемъ.— Присяга — выше свойствъ, родства и дружбы. — Подвигъ канонира. — Русскіе солдаты побѣждаютъ или умираютъ, но не сдаются.—Примѣрное перенесеніе тягостей и лишеній.—Въ бою должно биться до послѣдней капли крови. — Русскіе непріятеля не считаютъ.— Подвигъ Архипа Осипова.— Рядовой Уколовъ.— Какъ долженъ вести себя солдатъ будучи раненъ.— Канониръ Коростоевъ.—Какъ умираютъ русскіе солдаты.—Иванъ Градько.— Подвигъ канонира Чиликина.— Строя не оставляй для выноса раненыхъ.— Унтеръ-офицеръ Петръ Кононовъ.— Храбрецъ тотъ, кто первый бросается въ свалку.— Михаилъ Полуяновъ.— Какъ переноситъ русскій солдатъ тягости военнаго времени.

III. **Служба вѣрою и правдою** 27

Рядовой Яковъ Ушаковъ.— Рядовой Тетюшевъ.— Казакъ Затворниковъ.—При атакѣ Телиша.—Лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка рядовой Тарговскій.— Деньщикъ Архипъ Черниковъ.— Александръ Поляковъ.—Рядовой Максимовъ.—Унтеръ-офицеръ Кондратій Лотковъ.— Примѣрное исполненіе долга караульной службы.— Агафонъ Никитинъ.— Фейерверкеръ Власовъ.

IV. **Дисциплина** 36

Какъ повинуется бравый солдатъ.—Какъ разсуждаютъ истинные солдаты объ исполненіи приказаній начальства.— Какъ должно помнить и исполнять приказы.

V. **Гарнизонная служба** 39

Исправный часовой.—Суворовъ на часахъ.—Испытаніе твердаго знанія обязанностей часовымъ.— Рядовой Семенъ Полещукъ.— Матросъ Морозовъ.— Рядовой Ларіонъ Кулябинъ.— Необходимое и осмысленное употребленіе въ дѣло оружія.— Рядовой Григорій Семеновъ.— Безъ разводящаго или караульнаго начальника поста не оставлю.—Рядовой Иванъ Панковъ.— Воспрепятствованіе побѣгу арестанта.— Необходимость внима-

тельнаго осмотра помѣщеній при прі мѣ караула. — Внимательный надзоръ за арестованнымъ. — Прекращеніе безпорядка вблизи караульнаго дома. — Необходимость осмотра вещей, приносимыхъ для передачи арестованнымъ. — Отобраніе у арестованныхъ недозволенныхъ вещей. — Воспрепятствованіе побѣгу. — Испытаніе часового. — Бдительный надзоръ за арестованнымъ. — Рядовой Ерастъ Макаровъ. — Часовой употребляетъ въ дѣло оружіе для защиты себя. — Полковое примѣненіе къ дѣлу знанія оязанностей часового. — Подвигъ рядового Ивана Кунгурцева. — Буйство арестантовъ въ тюремномъ замкѣ. — Толковое исполненіе обязанностей часового при тюремной больницѣ.

VI. **Конвойная служба** 57

Распорядительность унтеръ-офицера Попова. — Харитонъ Ѳедосѣевъ. — Рядовой Овчинниковъ. — Вооруженное нападеніе на конвойныхъ. — Сознаніе долга службы. — Воспрепятствованіе побѣгу. — Необходимость осмотра конвоируемыхъ арестантовъ.

VII. **Внутренняя служба** 63

Рядовой Останинъ. — Рядовой Алексѣй Ивановъ. — Помощь полиціи. — Примѣрное исполненіе обязанностей дневальнаго. — Примѣрное исполненіе обязанностей дневальнаго у воротъ.

VIII. **Сторожевая и развѣдывательная службы** 66

Развѣдка непріятельскаго расположенія. — Какъ партизанъ Фигнеръ пробрался къ непріятельскому биваку. — Значеніе внимательнаго наблюденія за непріятелемъ. — Къ чему ведетъ безпечное несеніе сторожевой службы. — Пробрались сквозь войска непріятеля и доставили донесеніе. — Геройски отбитое нападеніе на нашу наблюдательную заставу. — Снятіе непріятельскаго поста. — Истребленіе непріятельскаго разъѣзда. — При внезапномъ нападеніи — часовой стрѣляетъ. — Секретъ предупредилъ внезапное нападеніе непріятеля. — Достали языка. — Нечаянное нападеніе вслѣдствіе недостаточной бдительности часового. — Два стрѣлка.

IX. **Выручка начальника и товарищей** 77

Пѣхота выручаетъ артиллерію. — Храброму и отъ непріятеля почетъ. — Солдатская преданность и самоотверженіе. — Нижегородцы въ бою подъ Ахалцыхомъ. — Фельдфебель Богдановъ. — Рядовой Лоскутовъ. — Саперъ Афанасій Прокофьевъ. — Жизнью пожертвуй, а товарища выручи. — Рядовой Чаплыгинъ. — Спасеніе корнета князя Яшвиля.

X. **Сбереженіе казеннаго имущества** 85

Забота о казенномъ имуществѣ. — Первая забота — казенная вещь. — Какъ солдатъ бережетъ казенныя вещи.

XI. **Солдатскія добродѣтели** 87

Солдатское великодушіе. — Лежачаго не бьютъ. — Рядовой Сидоръ Ревелюкъ. — Солдатская скромность. — Помощь на пожарѣ. — Спасеніе погибавшаго. — Казакъ Киселевъ. — Примѣрная твердость духа. — Любовь къ отчизнѣ въ 1812 году. — Демьянъ Пальниченко. — Безкорыстіе. — Солдатская честность.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Сухое заучиваніе уставовъ для нижнихъ чиновъ трудно, скучно и не всегда понятно. Передача солдатамъ уставныхъ свѣдѣній, сопровождаемая разсказомъ, или чтеніемъ примѣровъ, поясняющихъ смыслъ статей устава, давно всѣми признана весьма полезною, такъ какъ такой способъ преподаванія не только способствуетъ лучшему пониманію уставовъ, но и облегчаетъ солдату запоминаніе своихъ обязанностей. Но, при всемъ желаніи, этотъ способъ передачи уставовъ для большинства офицеровъ является не выполнимымъ по неимѣнію подъ рукою подходящихъ примѣровъ. Поэтому въ войскахъ *давно ощущается надобность* въ книгѣ, которая заключала бы въ себѣ примѣры по всѣмъ главнѣйшимъ отдѣламъ свѣдѣній обязательныхъ для рядового. Желая, по возможности, удовлетворить этой потребности войскъ, мы составили настоящую брошюру, заключающую въ себѣ примѣры, поясняющіе и способствующіе нижнему чину запоминаніе, хотя бы главнѣйшихъ обязанностей, всѣхъ отдѣловъ солдатской службы.

„Въ настоящей брошюрѣ, господа офицеры встрѣтятъ нѣсколько примѣровъ, находящихся во многихъ популярныхъ книгахъ для нижнихъ чиновъ и нѣкоторые могутъ замѣтить: все то же и то же“.

Мы должны сказать, что съ нашей стороны было-бы преступно пропустить въ сей книгѣ, долженствующей служить основаніемъ для нравственнаго воспитанія сол-

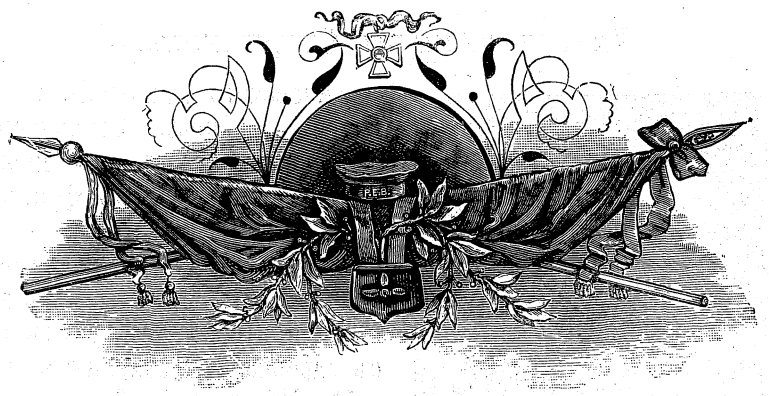
дата, наиболѣе выдающіеся, типичные и достойные подражанія подвиги самоотверженія и преданности долгу. Они давно извѣстны намъ, но мы не имѣемъ никакого права скрывать ихъ отъ сотенъ тысячъ ежегодно поступающихъ въ армію новобранцевъ. Это было бы преступно противъ памяти героевъ. Отсутствіе такихъ примѣровъ въ книгѣ, которая представляетъ изъ себя послѣдній, и наиболѣе полный, сборникъ примѣровъ объясняющихъ солдату его обязанности — было бы ея большимъ недостаткомъ.

Имѣя въ рукахъ книги: „Учебникъ“ („Свѣдѣнія обязательныя для рядового“) Н. И. Г.“, или „Программу для занятій съ молодыми солдатами Кіевскаго военнаго округа“ и мои брошюры: „О смыслѣ того, чему учатъ солдата“, „Служба солдата въ примѣрахъ“ и „Сборникъ законовъ для чтенія нижнимъ чинамъ“, начальникъ, безъ особеннаго труда, можетъ вести словесное обученіе и воспитаніе солдатъ такъ, что всѣ главнѣйшія требованія службы солдатъ усвоитъ осмысленно, всесторонне и легко, безъ зазубриванія.

Распространеніе упомянутыхъ брошюръ среди грамотныхъ нижнихъ чиновъ облегчитъ значительно трудъ офицеровъ и дастъ нижнимъ чинамъ полезное и интересное чтеніе.

Такъ писалъ я въ предисловіи къ первому изданію. Но вотъ не прошло еще и полныхъ трехъ лѣтъ, какъ разошлись два изданія въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ и явилась надобность въ третьемъ. Такое большое требованіе войскъ на книжку служитъ прекраснымъ доказательствомъ того, что работа моя была не только полезною, но, какъ я говорилъ, и „необходимою“.. Это изданіе мною исправлено и дополнено пятью примѣрами.

Октябрь 1896 г. ***Д. Кашкаровъ.***



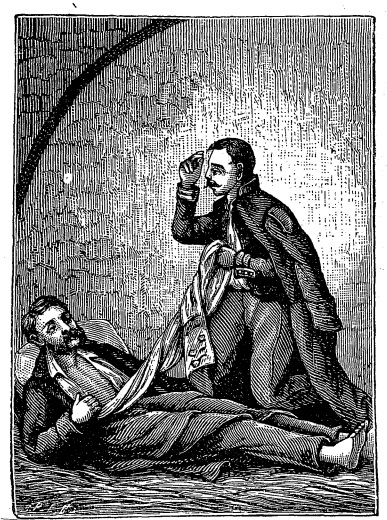
I.

ЗНАМЯ.

Рядовой Петровъ.

раженіе при Пулкинѣ происходило со шведами, въ 1808 году. Во время боя рядовой Могилевскаго пѣхотнаго полка Петровъ замѣтилъ, что непріятельскій солдатъ, отдалившись отъ своихъ рядовъ, несетъ русское знамя. Въ одинъ мигъ Петровъ кинулся на шведа, закололъ его и, отдѣливъ знамя отъ древка, скрылъ оное; окруженный затѣмъ непріятелемъ, Петровъ былъ взятъ въ плѣнъ. Но и въ плѣну онъ хранилъ знамя болѣе своей жизни. Когда же возвратился въ полкъ и представилъ знамя, то Государь Императоръ повелѣлъ: за геройскій поступокъ Петрова произвесть его въ унтеръ-офицеры и производить ему особое жалованье.

Унтеръ-офицеръ Старичковъ.



Азовскаго пѣхотнаго полка унтеръ-офицеръ Старичковъ, находившись подъ знаменемъ, въ сраженіи противъ французовъ, въ 1805 году, былъ покрытъ ранами, и, видя, что знамя можетъ достаться въ руки непріятеля, онъ снялъ его съ древка и сохранилъ при себѣ. Послѣ сего былъ взятъ въ плѣнъ и сберегъ знамя до тѣхъ поръ, покуда не почувствовалъ приближенія смерти отъ полученныхъ ранъ. Тогда онъ подозвалъ къ себѣ бывшаго въ плѣну Бутырскаго полка рядового Чайку; передавая оному знамя, именемъ Бога заклиналъ сберечь оное до возвращенія въ полкъ, и съ симъ желаніемъ умеръ. Рядовой Чайка въ точности исполнилъ завѣщаніе Старичкова: съ равнымъ усердіемъ скрывая знамя, по возвращеніи изъ плѣна представилъ его своему начальству.

Когда о примѣрномъ усердіи сихъ нижнихъ чиновъ было доведено до Высочайшаго свѣдѣнія, то Государь Императоръ повелѣлъ: рядового Чайку произвести въ унтеръ-офицеры и наградилъ деньгами; а семейству умершаго Старичкова производить ценсіонъ по 400 рублей въ годъ.

Калужскіе граждане, изъ коихъ Старичковъ поступилъ на службу, узнавъ о доблестномъ поступкѣ земляка, — въ знакъ своей благодарности, — купили въ городѣ домъ и подарили его семейству Старичкова, съ тѣмъ, чтобы домъ сей переходилъ въ его потомство.

Унтеръ-офицеръ Любанскій.

Тамбовскій пѣхотный полкъ въ апрѣлѣ 1828 года былъ сильно атакованъ многочисленною турецкою кавалеріею; нѣсколько изъ отчаянныхъ наѣзниковъ ворвались въ каре и

находившемуся подъ знаменемъ унтеръ-офицеру Любанскому нанесли кинжаломъ три раны въ голову; но онъ, помня свою обязанность — хранить знамя болѣе, чѣмъ жизнь — падая на землю, прикрылъ собою знамя и тѣмъ спасъ святыню отъ поруганія.

Доблестенъ поступокъ Любанскаго, но и велика награда Монарха! Любанскій награжденъ знакомъ отличія Военнаго ордена, произведенъ въ подпоручики и тѣмъ же чиномъ переведенъ лейбъ-гвардіи въ Павловскій полкъ.

Унтеръ-офицеръ Андрей Снозикъ.

Въ 1853 году, въ войну съ турками, въ Ольтеницкой битвѣ, унтеръ-офицеръ 2-й гренадерской роты Селенгинскаго пѣхотнаго полка Андрей Снозикъ — знаменщикъ 2-го баталіона, сильно раненый, упалъ со знаменемъ. Товарищи хотѣли взять у него знамя, но вѣрный знаменосецъ собрался съ силами, всталъ и сказалъ твердо: «Пока живъ, никому знамени не отдамъ».

Митрофанъ Ивановъ.

Въ сраженіи подъ Горнымъ Дубнякомъ, 4-й баталіонъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка сильно пострадалъ. При атакѣ непріятельскаго редута знаменщикомъ былъ унтеръ-офицеръ Ивановъ. Сраженіе въ самомъ разгарѣ. Солдаты рвались впередъ, — какъ вдругъ два унтеръ-офицера, ассистенты при знамени, видятъ, что Митрофанъ Ивановъ покачнулся. — «Что съ вами?» спрашиваютъ они, кидаясь поддержать знамя, но Митрофанъ Ивановъ удержался на ногахъ и только, строго взглянувъ на ассистентовъ, сказалъ: «Я живъ еще!» Дѣйствительно, несмотря на свою смертельную рану, онъ продолжалъ нести съ гордостью знамя, только на лицѣ у него были видны сильныя страданія. Чѣмъ ближе подходили Павловцы къ редуту, тѣмъ больше турки осыпали всю мѣстность пулями. Знамя было уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробито; Митрофанъ Ивановъ истекалъ кровью, но не хотѣлъ разстаться со святынею, пока силы позволяли волочить ноги. — «Уйдите», уговаривалъ Иванова ассистентъ, видя, что несчастный слабѣетъ съ каждымъ шагомъ. — «Я

еще не умеръ, братецъ; какъ умру, понесешь знамя; ты видишь, какъ я хожу», отвѣчалъ знаменщикъ и, желая по-

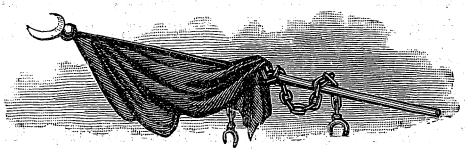
казать свою силу, хотѣлъ было поднять выше ногу, но чуть не упалъ. Митрофанъ Ивановъ спотыкался, останавливался, но все-таки шелъ дальше и знамени не отдавалъ. Баталіонъ остановился и залегъ. Ивановъ, блѣдный какъ полотно, терялъ послѣднія силы. — «Возьми!» наконецъ сказалъ онъ своему ассистенту, передалъ ему знамя и растянулся пластомъ. Это были его послѣднія слова!

Рядовой Авчинниковъ.

Въ войну съ турками 1877—78 годовъ, при штурмѣ Горнаго-Дубняка, когда первый баталіонъ л.-гв. Измайловскаго полка ворвался въ редутъ и прогналъ турокъ, рядовой 2-й роты Авчинниковъ, возвращаясь съ преслѣдованія, соскочилъ съ бруствера во внутренній ровикъ редута и, при свѣтѣ пожара, замѣтилъ одного турка, украдкой пробиравшагося по

этому ровику, вдоль бруствера. Нагнавъ его, Авчинниковъ поразилъ его штыкомъ, но увидѣлъ, что упавшій турокъ старался туловищемъ своимъ покрыть знамя, древко котораго выходило изъ-подъ его ногъ. Авчинниковъ овладѣлъ знаменемъ и лично доставилъ его начальнику отряда.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего, Государь Императоръ посѣтилъ гвардію въ Дольнемъ-Дубнякѣ. Подъѣхавъ къ л.-гв. Измайловскому полку и разговаривая съ нѣкоторыми нижними чинами, Его Величество осчастливилъ рядового Авчинникова поцѣлуемъ въ лобъ и Всемилостивѣйше пожаловалъ его Военнымъ орденомъ Св. Георгія Побѣдоносца 4-й степени.



II.

ПРИСЯГА.

Генералъ Эртель.

Въ 1812 году, генералъ Эртель, находясь со своимъ отрядомъ въ г. Мозырѣ, неожиданно получилъ пакетъ, тайно привезенный парламентеромъ, съ надписью на французскомъ языкѣ: «Отъ Виленскаго коменданта» *). Не распечатывая пакета, генералъ приказалъ остановить парламентера и поручилъ своему полковнику пригласить всѣхъ бывшихъ въ этомъ мѣстечкѣ русскихъ генераловъ. Собрались три или четыре генерала. Эртель, обратясь къ нимъ, сказалъ: «Господа, вотъ пакетъ, привезенный ко мнѣ изъ непріятель-

*) Тогда Вильна была занята непріятелемъ.

скаго лагеря; я разсудилъ, что не иначе могу распечатать его, какъ въ вашемъ присутствіи». Раскрывъ пакетъ, генералъ Эртель прочелъ:

«Отецъ, мать, сестра ваша, старшій братъ съ женою и тремя дѣтьми и двое другихъ вашихъ братьевъ захвачены въ плѣнъ и находятся въ Виленской крѣпости. Судьба ихъ зависитъ отъ васъ. Если вы сдадите Мозырь — они будутъ освобождены; въ противномъ случаѣ они будутъ разстрѣляны. Если вамъ угодно будетъ перемѣнить службу, то вы займете самое почетное мѣсто въ арміи моего императора. Извѣщая о семъ, имѣю честь быть генералъ Раппъ».

— Вотъ какъ, бездѣльникъ, обо мнѣ думаетъ! Вскричалъ разсерженный русскій генералъ, — но я покажу ему, что онъ во мнѣ ошибся! И тотчасъ же написалъ Раппу слѣдующее письмо:

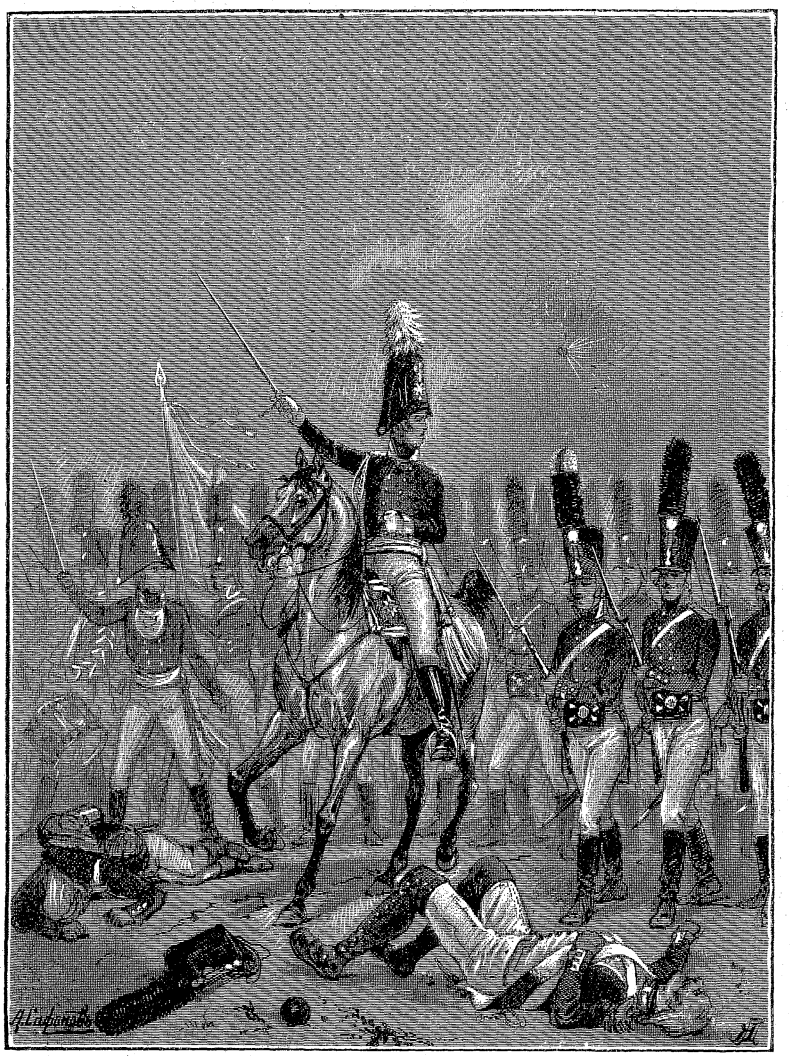
«За извѣщеніе о родныхъ моихъ свидѣтельствую благодарность. Вы можете дѣлать съ плѣнными, что хотите; но если намѣрены разстрѣлять невинныхъ, это не принесетъ вамъ никакой пользы, а удвоитъ только славу Эртеля, который никогда не былъ и не будетъ измѣнникомъ своему Государю и Отечеству».

Этотъ отвѣтъ былъ отправленъ съ парламентеромъ. Непріятель не исполнилъ своей угрозы, и по окончаніи войны Эртель имѣлъ счастіе увидѣться со своимъ семействомъ.

Генералъ Дохтуровъ подъ Аустерлицемъ.

1805 года, 20 ноября, во время Аустерлицкаго сраженія, генералу Дохтурову приказано было съ колонною своею пробиться сквозь окружавшаго его многочисленнаго непріятеля, и подъ картечными выстрѣлами перейти плотину, для занятія возвышенныхъ мѣстъ на другой сторонѣ рѣчки. При столь очевидной опасности, одинъ изъ приближенныхъ его сказалъ ему: «Вспомните, генералъ, что у васъ супруга и дѣти, а впереди неизбѣжная смерть». — Герой отвѣчалъ: «Здѣсь честь — моя жена, а ввѣренные мнѣ воины — мои дѣти». Съ этими словами, поднявъ вверхъ пожалованную ему государыней Екатериной шпагу, онъ воскликнулъ: «Ребята! Вотъ шпага Матушки нашей Екатерины, умремъ за

Отца Государя и за славу Россіи! Ура! съ нами Богъ и Александръ!» Сказавъ это, бросился на непріятелей, пробрался сквозь ряды ихъ и явился къ русскимъ войскамъ



въ то время, когда уже считали его или въ плѣну, или погибшимъ.

Присяга—выше свойства, родства и дружбы.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины Второй часть Яицкихъ казаковъ взбунтовалась и приняла сторону самозванца Пугачева — назвавшагося императоромъ Петромъ II, который уже давно умеръ. Вотъ случай изъ этого времени.

Были на Яикѣ братья Горбуновы: одинъ братъ, младшій, въ крѣпости былъ, на валу стоялъ, значитъ руку Государыни держалъ, а другой братъ, старшій, на приступъ шелъ и лѣстницу несъ, — значитъ держалъ руку самозванца. Младшій кричитъ съ вала: «Братецъ родимый! Не подходи! Убью». — А старшій братъ, что съ лѣстницей-то, ему въ отвѣтъ: «Я те дамъ убью! Постой, влѣзу на валъ, надеру тебѣ вихоръ, впередъ не будешь стращать старшаго брата». Сказалъ это и подставилъ лѣстницу къ валу. Но лишь только занесъ ногу на первую ступеньку, младшій братъ съ валу— бацъ въ него изъ пищали! И покатился старшій братъ въ ровъ.

Подвигъ канонира.

Въ августѣ 1700 года, наши дрались на морѣ со шведами. Канониръ подносилъ фитиль къ пушкѣ, но шведское ядро оторвало ему правую руку. Храбрый канониръ не сробѣлъ. Онъ поднялъ лѣвою рукою фитиль и сдѣлалъ выстрѣлъ, а товарищъ весело сказалъ: «Пусть шведъ знаетъ, что у русскаго и лѣвая рука поражаетъ».

Русскіе солдаты побѣждаютъ или умираютъ, но не сдаются.

Въ іюнѣ 1803 года, на Кавказѣ возставшіе лезгины напали на селеніе Карели и отбили у жителей скотъ. Капитанъ Секеринъ, командовавшій стоявшей тамъ ротою, узнавъ объ этомъ, бросился за лезгинами въ погоню. Секерину предстояло дѣйствовать въ лѣсистой мѣстности, гдѣ непріятель могъ устроить на каждомъ шагу засаду. Между тѣмъ капитанъ, съ ротою изъ 44 человѣкъ, смѣло двинулся въ дремучій боръ, начинавшійся верстахъ въ семи за деревнею, и дѣйствительно былъ окруженъ массою лезгинъ. Молодой Секеринъ три раза опрокидывалъ непріятеля, но ему пришла

неудачная мысль растянуть свою цѣпь, чтобы показаться врагамъ многочисленнѣе. Лезгины скоро поняли маневръ, всею массою ринулись въ шашки и разорвали цѣпь. Самъ Секеринъ былъ однимъ изъ первыхъ тяжело раненъ въ ногу. Отойдя въ сторону, онъ началъ платкомъ перевязывать рану, какъ вдругъ толпы лезгинъ бросились на него. Егеря, имѣвшіе каждый по 20 лезгинъ противъ себя, не могли придти на помощь къ своему капитану, и онъ былъ изрубленъ на глазахъ отряда. Умирая, Секеринъ успѣлъ крикнуть старшему Рогульскому: «Помни, русскіе не сдаются!» Поручикъ Рогульскій успѣлъ отбросить непріятеля. Но увлеченный подобно своему предмѣстнику, онъ переходитъ въ наступленіе, устремляется на непріятеля — и падаетъ мертвымъ, успѣвъ крикнуть младшему брату: «Помни слова Секерина: русскіе не сдаются». Юный Рогульскій обратился къ солдатамъ съ воодушевляющими словами, но его поражаетъ пуля — и послѣдняго офицера не стало. Видя гибель всѣхъ начальниковъ, лезгины кричали солдатамъ, предлагая сдаться; но егеря бросились въ штыки, окружили себя мертвыми тѣлами и пали всѣ до послѣдняго. Подоспѣвшіе на помощь егеря нашли только четырехъ, тяжело израненныхъ, которыхъ лезгины не успѣли замѣтить. Они-то и передали товарищамъ подробности горестнаго, но славнаго дѣла.

Примѣрное перенесеніе тягостей и лишеній.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1819 года, 12,000 лезгинъ подъ предводительствомъ отважнаго и извѣстнаго разбоями Сурхай-Хана, внезапно вышли изъ горъ и внезапно ворвались въ селеніе Чирахъ. При селеніи было небольшое укрѣпленіе и гарнизонъ изъ роты Апшеронскаго пѣхотнаго полка.

Часть этого слабаго гарнизона находилась въ самомъ селеніи. Лезгины напали сперва въ казармахъ на 80 полусонныхъ гренадеръ и почти всѣхъ ихъ перерѣзали или замучили. Совершивъ множество безчеловѣчныхъ поступковъ, они устремились на крѣпость Чирахъ и окружили ее. Крѣпостца состояла изъ небольшого обнесеннаго рвомъ четыреугольника съ круглыми по угламъ бастіонами и амбразурами; ее обороняли 400 человѣкъ.

Отчаянные горцы подступили къ крѣпости подъ убійственнымъ картечнымъ огнемъ; спускались въ ровъ и залегали подъ самыми ея стѣнами. Завязалась ружейная перестрѣлка, но, чтобы бить непріятеля, надобно было стрѣлять стоя на гребнѣ бруствера, такъ что наши храбрые воины безстрашно наносили врагу смерть, но и сами гибли.

Не разъ пытались лезгины на приступъ, но всегда были опрокидываемы съ большимъ урономъ.

Потери и со стороны осажденныхъ были не малыя. Безстрашныя, но, вмѣстѣ, и безполезныя вылазки, гдѣ неимовѣрная отвага уступала большой силѣ, уменьшали число защитниковъ. Всѣ офицеры и солдаты показали примѣръ дивной храбрости и запечатлѣли ее своею жизнью въ борьбѣ грудь о грудь. Остался живъ только заслуженный штабсъ-капитанъ **Овечкинъ,** съ простр**ѣ**ленною ногою, и при немъ человѣкъ сто, изъ которыхъ болѣе половины также раненыхъ.

Положеніе гарнизона становилось часъ-отъ-часу отчаяннѣе. Осада длилась уже три дня, а у нихъ не было ни капли воды, чтобы омыть раны, чтобы промочить губы, запекшіяся отъ крови и жажды. Правда, нѣсколько удальцовъ, спускаясь ночью со стѣны прокрадывались къ источнику, но не многимъ удавалось воротиться, и великодушные воины платили кровью за воду, почерпнутую для спасенія братьевъ. Солдаты грызли пули, глотали порохъ, полагая тѣмъ освѣжить себя, но жаръ, усталость и невозможность заснуть, только усугубляли ихъ страданія. Они уже расходовали послѣднія пули, посылая месть за павшихъ товарищей. Между тѣмъ, лезгины снова требовали сдачи, сколько разъ предложенной, столько же разъ отвергнутой съ презрѣніемъ.

Изнеможенные солдаты теряли бодрость. «Товарищи!» сказалъ имъ Овечкинъ: «я дѣлилъ съ вами раны; не разъ водилъ васъ противъ врага и никогда никого не видѣлъ въ побѣгѣ... Не дайте же мнѣ, при концѣ жизни, увидѣть васъ какъ трусовъ, безъ оружія, а себя въ постыдномъ плѣну. Не опозоримъ имени русскаго солдата, или же прежде пристрѣлите меня, и тогда дѣлайте, что хотите, если не можете дѣлать того, что должно...»

Такъ говорилъ русскій и русскимъ.

Сказанное съ жаромъ, было принято съ восторгомъ; солдаты крикнули «ура!» и, поклявшись умереть не сдаваясь,

кинулись на стѣны. Съ новымъ оживленіемъ и сильнѣе прежняго загремѣлъ ружейный и пушечный огонь.

Прошло еще нѣсколько часовъ четвертаго дня и храбрый Овечкинъ, исходя кровью, изнемогая отъ судорогъ, впалъ въ предсмертное оцѣпенѣніе.

Тогда фельдфебель одной изъ ротъ обратился къ солдатамъ съ предложеніемъ сдаться. «Надежды на помощь нѣтъ», говорилъ онъ имъ, «порохъ на исходѣ, а мы уже какъ тѣни отъ ранъ, отъ жажды, отъ истомы! Если не сдадимся теперь, то черезъ часъ лезгины безъ выстрѣла возьмутъ крѣпость, и насъ переберутъ какъ мухъ, руками. Слышите-ли, они обѣщаютъ честной плѣнъ?» Клятвопреступныя слова, недостойныя русскаго солдата, поразили замиравшаго Овечкина, и онъ, полный негодованія, какъ бы ожилъ. Онъ неожиданно подозвалъ къ себѣ фельдфебеля и ударомъ руки повергъ его на землю. — «Свяжите, бросьте со стѣны этого бездѣльника!» вскричалъ онъ: «я застрѣлю перваго, кто помянетъ о сдачѣ. Поднимите, поднесите меня къ пушкѣ!»

Надобно знать, что амбразуры орудій заслонялись тамъ досками, чтобы при заряжаніи не было видно артиллеристовъ.

Схвативъ дрожащей рукою фитиль, Овечкинъ скомандовалъ: «отнимай доску!» и пушка грянула. Но сотни пуль влетѣли въ открытое отверстіе, и онъ, прострѣленный въ бокъ и въ ухо, скатился съ платформы. Солдаты, воспламененные храбростію своего начальника, вѣрнымъ исполненіемъ долга присяги Царю и Отечеству—дрались съ ожесточеніемъ и умирали безъ ропота.

Лезгины готовились къ приступу, гибель храбрыхъ была неизбѣжная, какъ вдругъ вдали засверкали штыки. Русскія войска спускались съ окрестныхъ вершинъ Кавказа. Одно появленіе ихъ обратило въ бѣгство толпы горцевъ, которые безъ оглядки разбѣжались во всѣ стороны.

Подвигъ Овечкина долженъ служить примѣромъ, какъ нужно переносить тягости и лишенія, и какъ нужно ободрять падающихъ духомъ товарищей.

Въ бою должно биться до послѣдней капли крови.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1819 года, 12,000 лезгинъ внезапно вышли изъ горъ и ворвались въ селеніе Чирахъ, въ ханствѣ Керахскомъ.

При селеніи было небольшое укрѣпленіе съ гарнизономъ изъ роты Апшеронскаго пѣхотнаго полка.

Часть этого слабаго гарнизона находилась въ самомъ селеніи. Прапорщикъ Щербина, услышавъ тревогу, выскочилъ изъ дома, собралъ нѣсколько солдатъ и, видя себя отрѣзаннымъ отъ крѣпостцы, пробился сквозь толпу къ высокому каменному минарету, чтобы, занявъ его, отсидѣться тамъ до прибытія подкрѣпленій, или дорого продать свою жизнь. Онъ отстрѣливался тамъ до разсвѣта; пришелъ день,—стрѣлки наши били сверху лезгинъ на выборъ; за то десятки вражьихъ пуль пронизывали малѣйшія скважины и число храбрецовъ нашихъ рѣдѣло. Наконецъ, разсвирѣпѣвшіе горцы отбили двери, ворвались внутрь минарета, рѣзались тамъ съ апшеронцами на кинжалахъ и, истребивъ всѣхъ, устремились по узкой лѣстницѣ вверхъ, но тамъ ждалъ ихъ неустрашимый Щербина; ударами шашки пора-

жалъ онъ по очереди каждаго горца, показавшагося изъ-подъ пола.

Лезгины, видя невозможность силою овладѣть башнею, стали ее подрывать. Два дня держался Щербина, среди 12-ти тысячнаго непріятеля, не сдаваясь; на третій день минаретъ рухнулъ, и ожесточенные горцы, вытащивъ Щербину полураздавленнаго изъ-подъ развалинъ, замучили его до смерти.

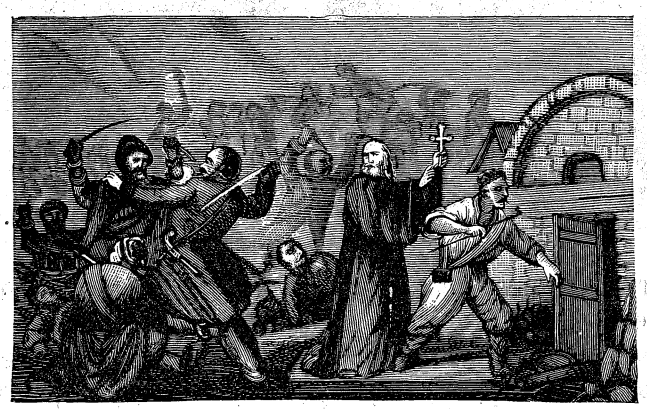
Русскіе непріятеля не считаютъ.

Во время персидской войны 1826 года, рядовой 17-го егерскаго полка Орѣховъ былъ застигнутъ въ дорогѣ, вмѣстѣ съ двумя казаками и 12-ю татарами, конною персидскою сотнею. Шесть струсившихъ татаръ обратились въ бѣгство и были изрублены; но оставшіеся татары и казаки

подъ начальствомъ Орѣхова, сами кинулись въ шашки и благополучно пробрались въ крѣпость Шушу. Орѣховъ былъ награжденъ званіемъ унтеръ-офицера, знакомъ отличія Военнаго ордена и десятью червонцами.

Подвигъ Архипа Осипова.

Въ 1840 году, на Кавказѣ, болѣе 11-ти тысячъ горцевъ напали на укрѣпленіе Михайловское, въ которомъ было всего пятьсотъ человѣкъ гарнизона. Эти храбрецы геройски отразили нѣсколько атакъ и наконецъ, когда почти всѣ были перебиты, штабсъ-капитанъ Лико рѣшилъ взорвать находившійся въ крѣпости пороховой погребъ; надобно было найти человѣка, который бы рѣшился навѣрняка пожертвовать своею жизнью, поджигая порохъ въ погребѣ; на это вызвался рядовой 1-й роты Тенгинскаго пѣхотнаго полка, Архипъ Осиповъ, который, взявъ фитиль, чтобы зажечь порохъ, просилъ только товарищей, если кто изъ нихъ останется въ



живыхъ, разсказать въ полку о его подвигѣ. Раздался страшный взрывъ; нѣсколько тысячъ непріятеля взлетѣло на воздухъ; но за то и изъ защитниковъ укрѣпленія осталось всего нѣсколько человѣкъ, которые и исполнили желаніе Осипова. Когда объ этомъ подвигѣ было доложено Императору Николаю Павловичу, то онъ повелѣлъ сохранить навсегда въ полку память объ Архипѣ Осиповѣ, считая его первымъ рядовымъ 1-й гренадерской роты Тенгинскаго полка.

Ежедневно на перекличкѣ, когда фельдфебель произноситъ его имя, слѣдующій за нимъ рядовой отвѣчаетъ: «погибъ во славу русскаго оружія въ укрѣпленіи Михайловскомъ». Нынѣ ему и штабсъ-капитану Лико въ Тифлисѣ водвигнутъ памятникъ.

Рядовой Уколовъ.

артія мюридовъ въ количествѣ 100 человѣкъ, весною 1849 года, скрытно засѣла, въ ожиданіи добычи, на правомъ берегу рѣки Койсу, среди скалъ, между которыми пролегаетъ дорога изъ укрѣпленія Ходжалъ-Махи въ Цудахарскій фортъ. 28 апрѣля слѣдовалъ по этой дорогѣ провіантскій транспортъ, изъ восьми вьючныхъ лошадей, съ конвоемъ, состоявшимъ изъ двухъ унтеръ-офицеровъ и 25 рядовыхъ, подъ начальствомъ Самурскаго пѣхотнаго полка подпрапорщика Добошинскаго. Хищники пропустили передовой патруль; но когда конвой поравнялся съ засадою, они сдѣлали залпъ изъ ружей и съ гикомъ бросились въ штыки. Первыми выстрѣлами были убиты: прапорщикъ Добошинскій и унтеръ-офицеры.

Въ эту рѣшительную минуту, въ самомъ пылу рукопашнаго боя, рядовой Уколовъ принялъ начальство надъ своими товарищами и, подавая имъ примѣръ неустрашимости и храбрости, отразилъ всѣ нападенія, которыя непріятель возобновлялъ съ ожесточеніемъ, въ надеждѣ одолѣть нашихъ численнымъ превосходствомъ. Между тѣмъ изъ Цудахара и Ходжалъ-Махи подоспѣли подкрѣпленія и хищники бѣжали безъ всякой добычи, понеся чувствительную потерю.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: рядового Уколова произвести въ унтеръ-офицеры и вслѣдъ затѣмъ въ прапорщики, выдавъ ему 100 рублей серебромъ; нижнимъ же чинамъ, отстоявшимъ транспортъ, выдать по 5 руб. на каждаго человѣка.

Какъ долженъ вести себя солдатъ будучи раненъ.

Въ 1854 году, въ самомъ началѣ дѣла при Четати, какъ только 7-я мушкатерская рота Тобольскаго полка вышла на позицію, пули на нее посыпались какъ горохъ и одна изъ нихъ ранила фельдфебеля Лизогубенко. Онъ нагнулся немного.—«Что съ тобою?» спросилъ его ротный командиръ,—«ты раненъ?»—«Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, такъ только, царапнуло!» отвѣчалъ Лизогубенко, завязывая платкомъ ногу, а кровь у него изъ-подъ платка такъ и хлещетъ; перевязавъ ногу, Лизогубенко пошелъ къ стрѣлкамъ и говоритъ: «силы еще много—послужимъ нашему батюшкѣ Царю...»—Глядимъ, говоритъ далѣе одинъ изъ рядовыхъ роты, — пронзило Лизогубенко руки, — опять перевязалъ тряпкой, и какъ ни въ чемъ не бывало держитъ ранжиръ ротѣ. Какъ только перешли на другую позицію, около Лизогубенко пролетѣло ядро, контузило и онъ повалился.

— Поди на перевязочный пунктъ, говоритъ ему ротный командиръ.

— Позвольте остаться, Ваше Благородіе; проходишь на перевязочный пунктъ, неравно и сраженіе кончится — не успѣешь и за раны отомстить.

Когда всѣ офицеры были перебиты, Лизогубенко принялъ командованіе ротою.

— Слушай моей команды: сомкнись! впередъ! отомстимъ за капитана! кричалъ онъ.

Въ это время ранило Лизогубенко въ четвертый разъ въ руку; онъ обернулъ руку какимъ-то лоскутомъ, и штыка не въ чемъ держать, а все кричитъ: «впередъ, коли ихъ!»

Кончилось дѣло и Лизогубенко насилу уговорили идти въ госпиталь.

Подлинно сказать — герой, молодецъ!

Канониръ Коростоевъ.

Въ одномъ сраженіи, въ полубатареѣ 9-й артиллирійской бригады, въ которомъ находился канониръ Коростоевъ, были убиты не только всѣ офицеры, но и всѣ нижніе чины. Остался живъ только онъ одинъ. Видитъ онъ, что дѣло плохо,

что сейчасъ непріятельская конница налетитъ на батарею и возьметъ въ плѣнъ всѣ орудія. Ему легко было бросить все и подумать о своемъ спасеніи — поскорѣе убраться съ ба-

тареи. Но онъ, какъ честный солдатъ, помнилъ данную имъ клятву, помнилъ, что онъ долженъ лечь костьми тутъ же, гдѣ лежатъ всѣ его сослуживцы. И вотъ, Коростоевъ подаетъ самъ команду: «полубатарея, орудія заряжай картечью!» Но некому было исполнять его команды — все лежало вокругъ него мертво. Что-же дѣлаетъ нашъ храбрый канониръ? Самъ онъ исполняетъ свою команду, самъ выполняетъ обязанности всѣхъ нумеровъ прислуги при орудіи. Наконецъ, орудіе заряжено, и Коростоевъ готовъ, съ должною честью русскаго солдата, встрѣтить врага. Лишь только непріятельская конница пустилась въ атаку на полубатарею, Коростоевъ, давъ ей подскакать поближе, скомандовалъ:

«пли!» Раздался выстрѣлъ, врагъ смѣшался, а онъ, храбрецъ, обнажилъ шашку и одинъ встрѣтилъ атаку 300 человѣкъ. Понятно, что онъ тутъ же упалъ мертвымъ подъ непріятельскими ударами. Коростоевъ умеръ, но не умерла и не умретъ никогда та слава, которую онъ оставилъ послѣ себя.

Какъ умираютъ русскіе солдаты.

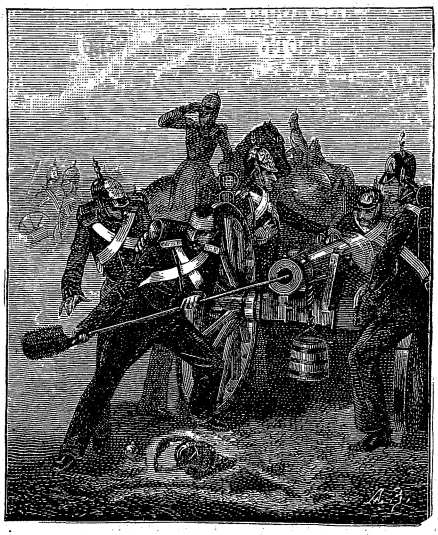
Во время Кавказской войны маіоръ Монтрезоръ шелъ съ транспортомъ подъ прикрытіемъ команды, состоящей изъ трехъ офицеровъ, 109 нижнихъ чиновъ и одного орудія. Едва Монтрезоръ вышелъ изъ Эривани, какъ увидѣлъ себя окруженнымъ непріятельскою кавалеріею. Неустрашимая горсть русскихъ продолжала путь по трудной, каменистой дорогѣ и безводной мѣстности, тѣснимая толпами непріятеля. Наконецъ, непріятель усилился до 6,000 человѣкъ и потребовалъ сдачи. Но Монтрезоръ и вся команда рѣшили лучше умереть чѣмъ сдаться. Послѣ геройскаго сопротивленія, Монтрезоръ былъ изрубленъ на куски; а всѣ остальные, исключая 15 человѣкъ, тяжело раненыхъ, пали на мѣстѣ.

Иванъ Градько.

20 сентября 1848 года, взрывомъ мины въ Ахтанскомъ укрѣпленіи сбросило съ 1-й батареи кегорнову мортирку въ крѣпостной ровъ. Чтобы не дать непріятелю воспользоваться ею, многіе охотники вызвались достать ее; но такая честь была предоставлена молодому солдату, рядовому Ивану Градько, прежде всѣхъ вызвавшемуся на это дѣло.

Въ 4 часа пополудни, подъ непріятельскими пулями, онъ спустился на веревкѣ въ ровъ, отрылъ мортирку и втащилъ ее въ укрѣпленіе. За таковой подвигъ Градько награжденъ былъ орденомъ Св. Георгія и переведенъ въ гвардію.

Подвигъ канонира Чиликина.



Въ сраженіи при Ольтеницѣ, 23 октября 1853 года, легкой № 5 батареи 2-й артиллерійской бригады, старшій канониръ Тимофей Чиликинъ, находясь при орудіи съ банникомъ, былъ раненъ въ голову во время заряжанія орудія; товарищъ хотѣлъ его смѣнить; но Чиликинъ, не смотря на свою смертельную рану, отвѣчалъ: «дай дослать послѣдній зарядъ»—и только послѣ выстрѣла былъ отведенъ на перевязочный пунктъ.

Строя не оставляй для выноса раненыхъ.

25 іюня 1854 года, рядовой 1-й карабинерной роты Томскаго егерскаго полка **Леонтій Ивановъ**, находясь въ цѣпи на островѣ Радоманѣ, былъ тяжело раненъ. Фельдфебель роты, видя что Ивановъ нуждается въ помощи, приказалъ одному изъ рядовыхъ довести его до перевязочнаго пункта; но Ивановъ рѣшительно отказался: «Не нуждался я въ помощникахъ и въ мирное время, а теперь и говорить нечего;— ты, братъ-землякъ, ступай-ка лучше въ цѣпь на мое мѣсто, а я доплетусь и безъ тебя;—такъ и фельдфебелю доложи».

Унтеръ-офицеръ Петръ Кононовъ.

Въ 1862 году 7 января, унтеръ-офицеръ Петръ Кононовъ, находясь въ отпуску на родинѣ, въ селѣ Троицкомъ, Пронскаго уѣзда, Рязанской губерніи, и проѣзжая въ городъ Михайловъ, встрѣтилъ родного брата своего Евсея Кононова, бѣжавшаго изъ Пензенскаго баталіона внутренней стражи. Помня присягу — *не наносить ущерба службѣ изъ свой-*

ства, родства, или дружбы — унтеръ-офицеръ Петръ Кононовъ представилъ своего брата къ его начальству.

О таковомъ примѣрномъ исполненіи унтеръ-офицеромъ Кононовымъ долга присяги на вѣрность службѣ, было доведено до Высочайшаго свѣдѣнія, и Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать унтеръ-офицеру Кононову серебряную медаль съ надписью «за усердіе» на Анненской лентѣ.

Храбрецъ тотъ, кто первый бросается въ свалку.

Во время переправы черезъ Дунай, въ 1877 году у Зимницы, **рота капитана Брянова,** переправившись на берегъ, была встрѣчена частымъ огнемъ турецкихъ стрѣлковъ, бившихъ съ близкаго разстоянія. Храбрый капитанъ, чтобы оттѣснить турокъ, бросился впередъ съ крикомъ: «ребята, впередъ! за мной!» Но, пока подоспѣли за начальникомъ солдаты, турки уже буквально перебрасывали его со штыка на

штыкъ. Онъ получилъ девять ранъ; восемь изъ нихъ не были смертельны, но девятая—проколъ мочевого пузыря—уложила храбраго и честнаго бойца въ могилу. Лицо его было такъ страшно искажено и такъ былъ онъ залитъ

кровью, что когда его принесли на перевязочный пунктъ и товарищи окружили его, то они не могли его узнать. Когда Брянова несли на перевязочный пунктъ, его встрѣтилъ генералъ Драгомировъ и спросилъ: «Что, Бряновъ, вы ранены?» Но онъ, какъ истинный солдатъ, во время боя былъ занятъ не своими ранами, а тѣмъ, какъ бы побѣдить врага, а потому не отвѣтилъ на вопросъ, а сказалъ только: «Все хорошо идетъ, турки вездѣ сбиты!»

Михаилъ Полуяновъ.

Въ войну 1877 — 1878 гг. одинъ кавалеристъ, изъ крестьянъ Тамбовской губерніи, Михаилъ Полуяновъ, окруженный турками, разстрѣлялъ всѣ патроны своего револьвера, сломалъ саблю, выхватилъ ружье, направленное на него туркомъ, чтобы снять его съ лошади, и сталъ оборо-

няться отъ цѣлой сомкнутой вокругъ него роты и наносилъ

удары до тѣхъ поръ, пока озлобленные турки, потерявъ многихъ убитыми, оставили свое намѣреніе взять его живьемъ, и сразу, словно по командѣ, воткнули въ него 20 штыковъ и приподняли его вверхъ, но и тогда отважный герой, одинъ среди вражьей силы, поднятый ею на штыки, продолжалъ отмахиваться, пока не ослабѣли совершенно его силы.

Какъ переноситъ русскій солдатъ тягости военнаго времени.

Въ 1877 году, въ началѣ іюня, гарнизонъ крѣпости Баязета былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ 25-тысячнымъ непріятелемъ. Гарнизонъ состоялъ изъ баталіона и 2-хъ ротъ Ставропольскаго пѣхотнаго полка, частей 1-го Уманскаго и 2-го Хоперскаго казачьихъ полковъ, частей изъ двухъ конно-иррегулярныхъ полковъ съ ихъ артиллеріею. Комендантомъ крѣпости былъ капитанъ Штоквичъ. Въ продолженіе 22-хъ-дневной осады, защитники этой крѣпости геройски безропотно переносили самыя тяжелыя лишенія, отвергая всѣ предложенія непріятеля сдаться.

Вотъ подробности этой осады: какъ только наши войска, расположенныя ранѣе на бивуакѣ, вошли въ крѣпость, непріятель немедленно обложилъ ее.

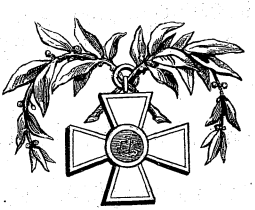
На другой день, по занятіи нашими войсками цитадели, турки отвели воду изъ отдаленнаго родника, а потому гарнизонъ началъ сразу терпѣть большія лишенія. Добываніе воды стоило каждый разъ крови: доставать воду возможно было только, выходя изъ стѣнъ цитадели, направляясь подъ выстрѣлами непріятельскихъ стрѣлковъ къ ручью, отстоявшему отъ цитадели въ 150 шагахъ, да и эти вылазки не всегда удавались; вода эта въ первый день имѣла пріятный вкусъ, а на другой день чувствовался запахъ разлагающагося мертваго тѣла, такъ какъ поперегъ этого ручья непріятелемъ положено было нѣсколько разлагающихся человѣческихъ труповъ и дохлаго рогатаго скота. Въ виду трудности добыванія воды, ее выдавали гарнизону сначала по стакану, потомъ по полъ-крышки и доходило даже до того, что гарнизонъ получалъ только по ложкѣ. Горячую пищу варили очень рѣдко, только тогда, когда удавалось

произвести удачную вылазку за водою; большую-же часть осады гарнизонъ питался одними сухарями, дача которыхъ равнялась половинѣ положеннаго, потомъ четверти, а къ концу осады отпускалось только по четверти фунта сухарей. Когда мясо было все израсходовано, то убивали лошадей и ѣли ихъ. Раненые и больные терпѣли особенное горе и нужду: томимые мучительною жаждою, они не могли утолиться; всѣ получали только по стакану въ сутки; по недостатку воды раненымъ нельзя было дѣлать правильныя перевязки, вслѣдствіе этого самыя легкія раны оказывались опасными: гангрены и черви развелись въ высшей степени; отсутствіе правильнаго питанія породило упадокъ силъ. Ко всему этому надобно добавить непомѣрную скученность людей, собравшихся въ маленькой цитадели, и невозможность выйти на верхнюю площадку подышать свѣжимъ воздухомъ, такъ какъ она сильно обстрѣливалась непріятельскими стрѣлками, засѣвшими за валами, въ разстояніи 200 шаговъ отъ площадки; въ цитадели же была духота, стоялъ сильнѣйшій смрадъ.

Всѣ эти лишенія горсть защитниковъ Баязета перенесла геройски, безъ ропота, съ презрѣніемъ отвергая неоднократныя предложенія непріятеля сдаться.

Послѣ 23-хъ-дневной осады, русскія войска освободили защитниковъ Баязета. Мужественная же защита его спасла отъ разоренія Эриванскую губернію, потому что, если-бы гарнизонъ сдался, то всѣ-бы 25 тысячъ непріятеля безпрепятственно вторглись-бы въ эту губернію.

Такъ должно всегда переносить лишенія на войнѣ.



III.

СЛУЖБА ВѢРОЮ И ПРАВДОЮ

(т. е. служить одинаково, какъ на глазахъ начальства, такъ и за глазами).

Рядовой Яковъ Ушаковъ.

Въ 1821 году, 3-го января, рядовой Измаильской инвалидной команды ходилъ по своей надобности въ крѣпость Измаилъ и, возвращаясь оттуда по мосту въ 11 часовъ дня, услышалъ изъ канала человѣческій голосъ, просящій помилованія отъ смерти; онъ тотчасъ побѣжалъ туда и нашелъ двухъ крѣпостныхъ арестантовъ, посланныхъ тесать колья, съ конвойнымъ рядовымъ 31-го Егерскаго полка, Булатовымъ, котораго они, связавъ, готовились умертвить имѣвшимся у нихъ топоромъ, чтобы потомъ бѣжать; но увидѣвъ рядоваго Ушакова, испугались такъ, что, оставивъ конвойнаго, бросились бѣжать. Рядовой-же Ушаковъ, давъ знать криками, чтобы арестантовъ ловили, самъ кинулся за ними, и, несмотря на ихъ угрозы, что зарубятъ его топоромъ, поймалъ ихъ обоихъ и, съ помощью подоспѣвшихъ на его крикъ двухъ рядовыхъ, представилъ ихъ съ конвойнымъ и съ топоромъ къ командиру крѣпости.

По докладѣ объ этомъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ выдать рядовому Ушакову, въ награду за означенный его поступокъ, 100 рублей.

Рядовой Тетюшевъ.

Въ 1821 году, 6-го августа, рядовой Симбирскаго гарнизоннаго баталіона Тетюшевъ поймалъ на улицѣ въ г. Симбирскѣ бѣжавшаго изъ Сибири ссыльнаго арестанта Ѳедора Антонова. Арестантъ давалъ Тетюшеву 126 рублей золотомъ и серебромъ за то, чтобы рядовой освободилъ его. Но помня

свою обязанность — служить одинаково какъ на глазахъ начальства, такъ и за глазами — рядовой Тетюшевъ этихъ денегъ не принялъ и представилъ арестанта своему баталіонному командиру.

По докладѣ объ этомъ Государю Императору, Его Величество Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать Тетюшеву 150 рублей.

Казакъ Затворниковъ.

Лѣтомъ 1835 года казакъ Уральскаго полка Затворниковъ былъ на Каспійскомъ морѣ захваченъ въ плѣнъ тамошними морскими разбойниками, киргизъ-кайсаками. Взявъ его на свое судно, кайсаки снова отправились на разбой въ море, и при встрѣчѣ съ русскими рыболовными судами, чтобы обмануть ихъ, хотѣли заставить Затворникова откликаться по-русски.

На это Затворниковъ отвѣчалъ разбойникамъ: «Хоть сейчасъ зарѣжьте, а души своей не продамъ чорту, на своихъ не пойду». Киргизы мучили его, били, да съ тѣмъ и отстали. Этому свидѣтелями были другіе плѣнники наши. Когда же всѣхъ ихъ выручили и донесли о вѣрности и твердости ихъ Государю Императору, то Его Величество изволилъ наградить Затворникова званіемъ урядника и 200 руб.

При атакѣ Телиша.

Въ 1877 году при атакѣ л.-гв. Егерскимъ полкомъ Телиша, изъ числа нижнихъ чиновъ первымъ раненъ былъ унтеръ-офицеръ 15-й роты Пугачевъ, пулей въ руку. Онъ остался въ строю, ободряя и забавляя товарищей своими шутками. Не оставилъ онъ мѣста и

послѣ второй раны, но вскорѣ затѣмъ получилъ третью, очень опасную. Въ 16-ой ротѣ одна пуля поразила разомъ рядовыхъ Карпова и Сидорова: Карповъ шелъ впереди, ему пуля пробила носъ; въ затылокъ за нимъ шелъ Сидоровъ—та же пуля ударила его въ плечо.

— «Разомкнись ребята!» скомандовалъ командиръ 16-й роты, капитанъ Базилевскій 3-й, идя въ 15 шагахъ впереди роты, «пуля виноватаго найдетъ! Если кому суждено, тотъ и дома, на печкѣ умеръ-бы сегодня!»

Но вотъ — и самъ Базилевскій 3-й падаетъ тяжело раненый. «Куда ты раненъ?» спрашиваетъ подбѣжавшій къ нему подпоручикъ его роты Лундъ. — «Не твое дѣло», отвѣчалъ раненый: «веди роту впередъ и держись лѣвѣе! Смѣлѣй, ребята, впередъ!» обратился онъ къ солдатамъ.

Лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка рядовой Тарговскій.

При атакѣ Горнаго-Дубняка, въ войну 1877 года, огонь изъ редута былъ такъ силенъ, что не было никакой возможности подойти къ нему большою, правильною цѣпью, и солдаты, залегши за насыпью дороги, шагахъ въ двухъ-стахъ отъ редута, пробираясь дальше маленькими кучками до слѣдующихъ закрытій. Турки осыпаютъ ихъ цѣлымъ градомъ свинцовыхъ пуль. Не дремлятъ и наши. Безъ отдыха, на огонь, отвѣчаютъ они огнемъ. Нѣтъ у нихъ, однако, съ собою, какъ у турокъ, запаса въ нѣсколько сотъ патроновъ на каждаго. Патронташи быстро опоражниваются. Въ первой кучкѣ, подавшей примѣръ перебѣжекъ, отличился рядовой 9-й роты Тарговскій. Онъ-же изъ первыхъ, ухитрился найти средство замѣщать убыль патроновъ. Это средство — отбирать патроны и даже цѣлые патронташи у убитыхъ и раненыхъ. Правда, для этого надо снова выйти изъ-за закрытія: бѣжать назадъ, туда, гдѣ сыплются пули «словно горохъ»; снять патронташъ съ окоченѣвшаго тѣла покойника и бѣжать обратно къ своимъ. Дѣло не легкое! Авось удастся.

И вотъ Тарговскій приноситъ обрадованнымъ товарищамъ нѣсколько патронташей почти полныхъ... И этотъ примѣръ отваги также дѣйствуетъ увлекательно. За Тарговскимъ, татаринъ-барабанщикъ 3-й роты, Бикчижъ-Барановъ, разсудивъ, что теперь дѣло не до барабановъ, оставилъ свой «инструментъ» въ редутѣ и посвятилъ себя всецѣло страшной «игрѣ»—доставать патроны товарищамъ. И не мало турокъ поплатились жизнью за эту игру.

Деньщикъ Архипъ Черниковъ.

25-го іюня 1854 года, во время переправы турокъ на лѣвый берегъ Дуная около 5 часовъ пополудни, егеря Том-

скаго егерскаго (нынѣ 31-го пѣх. Томскаго) полка, разсыпавшись вправо и влѣво отъ батареи, устроенной ниже г. Журжи, увидѣли, что деньщикъ того-же полка Архипъ Черниковъ, не обращая вниманія на убійственный огонь, пробирается по цѣпи, неся въ рукахъ чашку. «Куда тебя несетъ? кричали солдаты Архипу.—Пока живъ, убирайся отсюда

по-добру по-здорову, пропадешь задаромъ!» — «Нашли чѣмъ пугать — отвѣчалъ Черниковъ: — турокъ-то, что-ли мы не видали; скажи-ка лучше, гдѣ баринъ? Онъ, сердечный, съ самаго утра ничего не ѣлъ; несу ему кое-что позакусить».— «Его благородіе на батареѣ, сказалъ одинъ изъ солдатъ,—да туда, братъ, не суйся, тамъ не до закуски; слышишь-ли, какъ жарятъ!»

«Спасибо, землякъ, сказалъ Архинъ Черниковъ, — Богъ не попуститъ, такъ и ядро вражье не зацѣпитъ!» По указанію солдата, онъ съ полнымъ хладнокровіемъ отправился на батарею, гдѣ и накормилъ своего барина, подпоручика Самойлова, получившаго двѣ раны.

Александръ Поляковъ.

Въ 1859 году, 5 января, находившагося въ Грузіи Донскаго № 15 полка казакъ Александръ *Поляковъ*, посланный для конвоированія почты, найденъ былъ въ степи замерзшимъ вмѣстѣ со своею лошадью.

По произведенному тогда же слѣдствію оказалось, что во время слѣдованія почты, на двухъ тройкахъ, между станціями Ксанскою и Чальскою, она была застигнута сильною мятелью, и одна изъ повозокъ съ чемоданами, по случаю сдѣлавшагося въ ней поврежденія, была оставлена на дорогѣ, подъ присмотромъ казака Полякова, въ 10 верстахъ отъ станціи.

Вызванные ямщикомъ, для исправленія повозки, жители ближайшаго селенія не нашли никакой возможности исправить оную, по случаю наступленія ночи и усилившейся мятели, и видя явную опасность оставаться болѣе въ степи, убѣждали Полякова возвратиться вмѣстѣ съ ними въ селеніе; но онъ, несмотря на всю опасность своего положенія, которое видимо угрожало его жизни, не рѣшился покинуть почты, и, оставшись при оной, сдѣлался жертвою своего долга. Въ отвѣтъ же жителямъ, на предложеніе возвратиться въ селеніе, сказалъ: «Такъ какъ, по приказанію начальства, я посланъ конвоировать почту и доставить въ цѣлости до слѣдующей станціи, то не нарушу долга службы и присяги, и ни въ какомъ случаѣ не оставлю ея въ степи на произволъ; если Богъ судилъ мнѣ здѣсь получить смерть, то умру на

этомъ мѣстѣ, охраняя до послѣдней минуты моей жизни порученные мнѣ казенные чемоданы».

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу о семъ наказного атамана войска Донского, Высочайше повелѣть соизволилъ: дѣду и матери казака Полякова выдать изъ суммъ войска Донского 100 руб. сер., а о высокомъ сознаніи долга службы и преданности его объявить въ приказѣ по военному вѣдомству.

Рядовой Максимовъ.

Въ 1859 году, 27 октября, содержавшійся въ Таганрогскомъ тюремномъ замкѣ, за кражу, унтеръ-офицеръ мѣстнаго баталіона, Ѳедоръ Анчуговъ, окликнувъ стоявшаго на часахъ, у окна, съ наружной стороны замка, рядоваго того же баталіона Николая Максимова, началъ уговаривать выпустить его послѣ зори изъ тюрьмы и бѣжать съ нимъ вмѣстѣ. За это унтеръ-офицеръ Анчуговъ давалъ Максимову 3 рубля бумажками и 100 золотыхъ. Но рядовой Максимовъ, несмотря на всѣ убѣжденія, не согласился на предложеніе Анчугова и, по смѣнѣ съ часовъ, тотчасъ объявилъ объ этомъ караульному унтеръ-офицеру.

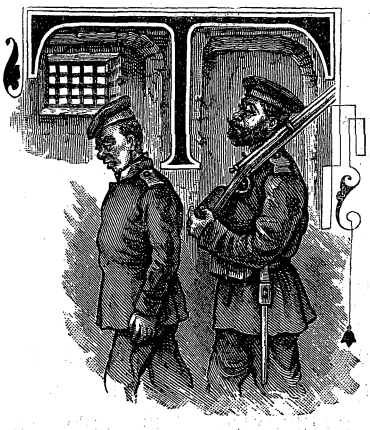
За такое примѣрное исполненіе воинскаго долга рядовой Максимовъ произведенъ въ унтеръ-офицеры.

Унтеръ-офицеръ Кондратій Лотковъ.

Въ 1860 году, 8-го марта, унтеръ-офицеръ Мстиславской инвалидной команды Кондратій Лотковъ, идя, вечеромъ, въ караульный домъ, состоящій при городскомъ тюремномъ замкѣ, встрѣтилъ арестанта изъ евреевъ, Абрама, бѣжавшаго отъ сопровождавшихъ его десятскихъ, котораго немедленно задержалъ, и, несмотря на убѣжденія отпустить его причемъ Абрамъ давалъ Лоткову 25 рублей, унтеръ-офицеръ Локовъ представилъ арестанта начальнику команды.

За такое усердное исполненіе долга службы унтеръ-офицеру Лоткову была объявлена благодарность и онъ награжденъ 5-ю рублями.

Примѣрное исполненіе долга караульной службы.



ысяча восемьсотъ шестьдесятъ второго года, 27 іюня, рядовые Виленскаго баталіона внутренней стражи, Максимъ Дяцкевичъ и Мантеусъ Кантушевичъ, находясь въ караулѣ при Виленскомъ тюремномъ замкѣ, были командированы для отвода арестанта изъ евреевъ Гирша Леща, въ еврейскую школу, для привода его тамъ къ присягѣ. По прибытіи въ означенную школу, одинъ изъ находящихся въ оной евреевъ далъ арестанту Лещу бутылку водки, а когда рядовой Дяцкевичъ, бывшій за старшаго, замѣтилъ это, отнялъ у арестанта бутылку водки и разбилъ оную, то еврей, передавшій ту бутылку, предложилъ ему 50 коп. сер. съ тѣмъ, чтобы онъ не объявлялъ о поступкѣ; но Дяцкевичъ не только не взялъ этихъ денегъ, но и отказался принять и деньги, предложенныя ему всѣми присутствовавшими въ школѣ евреями въ числѣ 50 человѣкъ, сложившимися по 5 коп. съ каждаго, съ цѣлью купить его молчаніе, и обо всемъ происшедшемъ объявилъ судебному слѣдователю, а по возвращеніи въ тюремный замокъ и караульному унтеръ-офицеру.

О таковомъ похвальномъ исполненіи рядовымъ Дяцкевичемъ долга караульной службы объявлено было въ приказѣ по бывшему корпусу внутренней стражи.

Агафонъ Никитинъ.

Русскія войска давно привыкли исполнять свои обязанности по чести, не заботясь о томъ, узнаетъ-ли кто-либо объ этомъ или нѣтъ. Вотъ тому свѣжій примѣръ: въ сраженіи при Геокъ-Тепе, 30-го декабря 1880 года, 6-й батареи 21-й артиллерійской бригады бомбардиръ-наводчикъ Агафонъ Никитинъ былъ взятъ въ плѣнъ текинцами при вылазкѣ ихъ изъ крѣпости Геокъ-Тепе. Враги хотѣли заставить его научить ихъ стрѣлять изъ захваченныхъ ими орудій. Ему сди-

рали кожу со спины, обрубали пальцы, мучили, а онъ твердилъ одно: «противъ своихъ не пойду», и умеръ послѣ жестокихъ мученій. Сами текинцы удивлялись его мужеству, храбрости и вѣрности и разсказывали потомъ о его поступкѣ.

Фейерверкеръ Власовъ.

ъ 5-го на 6-е января 1887 г., при слѣдованіи почты изъ города Читы въ гор. Иркутскъ, съ денежною корреспонденціей на сумму свыше 132,000 рублей, фейерверкеръ окружнаго артиллерійскаго полупарка *Власовъ* выдержалъ нападеніе грабителей на почту. Защищая ввѣренное его охранѣ имущество, послѣ трехъ выстрѣловъ, направленныхъ въ упоръ противъ Власова — въ голову, грудь и животъ, онъ повалился на землю и, притворяясь убитымъ, подслушалъ разговоръ грабителей, который и послужилъ основаніемъ къ обнаруженію ихъ. Затѣмъ раненый Власовъ, при морозѣ въ 43°, безъ теплой одежды, продолжалъ охранять почту съ оставшимся золотомъ на 32,000 рублей, и своей распорядительностью содѣйствовалъ впослѣдствіи къ немедленному обнаруженію грабителей, выполняя такимъ образомъ свои обязанности съ самоотверженіемъ, достойнымъ каждаго русскаго солдата.

По докладѣ о семъ подвигѣ Власова Государю Императору, послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на выдачу Власову въ единовременное пособіе 250 рублей.

IV.

ДИСЦИПЛИНА.

Какъ повинуется бравый солдатъ.

Государь Петръ Великій бесѣдовалъ однажды съ нѣмецкимъ королемъ о томъ, чьи солдаты лучше: русскіе или нѣмецкіе.

Нѣмецкій государь горою стоялъ за своихъ и говорилъ, что они обучены лучше, и смѣтливѣе, и знаютъ хорошо службу.

— Это правда, отвѣчалъ нашъ Императоръ: — мои еще новички, но они не уступятъ вашимъ старымъ гренадерамъ въ воинской доблести. А доблесть эта — есть слѣпое повиновеніе.

Нѣмецкій государь все стоялъ на своемъ. Тогда Императоръ Петръ Великій предложилъ позвать сначала нѣмецкаго, а потомъ русскаго гренадера и приказать выпрыгнуть изъ окна 3-го этажа, чтобы посмотрѣть, что выйдетъ.

Нѣмецкій государь согласился; велѣлъ позвать къ себѣ одного изъ караульныхъ солдатъ и приказалъ ему прыгнуть изъ окна.

Солдатъ замялся: видитъ, высоко — убьется и сталъ просить помилованія. Но государь приказывалъ ему непремѣнно прыгнуть; тогда нѣмецкій солдатъ попросилъ позволенія пойти попрощаться со своими товарищами. Государь похвалилъ своего солдата за послушаніе и отпустилъ.

Тогда Петръ Великій позвалъ своего солдата съ гауптвахты.

— Здорово, товарищъ! сказалъ Императоръ.

— Здравія желаю Вашему Императорскому Величеству!

— Подойди сюда. — Солдатъ подошелъ.

— Прыгни сейчасъ изъ окна, да съ разбѣгу!

— Въ какое прикажете, Ваше Величество? въ это?

— Да, въ это.

И солдатъ въ одно мгновеніе очутился на подоконникѣ, перекрестился и ринулся впередъ, такъ что Императоръ едва

успѣлъ ухватить его за полы кафтана. Петръ Великій обнялъ солдата и наградилъ его. А нѣмецкій государь только пожалъ плечами и сказалъ: «Завидую, вамъ, Ваше Величество, что у васъ такіе солдаты».

Какъ разсуждаютъ истинные солдаты объ исполненіи приказаній начальства.

Лежатъ на Кавказѣ два солдата въ цѣпи. Передъ ними, почти на неприступной горѣ, аулъ (деревня), занятый врагомъ. Вотъ одинъ солдатъ спрашиваетъ другого:

— Что, братъ, можно взять аулъ?

— Гдѣ-жъ тутъ взять, не влѣзешь и зацѣпиться-то не за что.

— И то правда,—не взять; ну, а если начальство прикажетъ?

— Ну, начальство прикажетъ — такъ возьмемъ, отвѣчалъ другой.

Какъ должно помнить и исполнять приказы.

Въ приказѣ, отданномъ генераломъ Драгомировымъ по своей дивизіи, передъ переправою черезъ Дунай у Зимницы, въ 1877 г., было запрещено стрѣлять до переправы на правый, турецкій берегъ. Одинъ понтонъ, наполненный почти вплотную стоявшими солдатами, попалъ подъ такой страшный огонь турокъ, что можно было сказать объ нихъ, что ихъ просто разстрѣливали въ упоръ съ крутого берега; солдаты имѣли возможность отогнать выстрѣлами сгущенную на берегу цѣпь, но, помня наканунѣ отданный приказъ, они не сдѣлали ни одного выстрѣла. Весь понтонъ, около 50-ти человѣкъ былъ перебитъ. Одинъ молодой солдатъ не выдержалъ и поднялъ ружье, чтобы пустить отвѣтную пулю, но сзади его толкнулъ кто-то въ спину и проговорилъ: «знаешь, вѣдь не приказано; что-жъ хочешь стрѣлять?» И солдатъ опустилъ ружье.

Въ томъ же приказѣ была предписана строгая тишина во время переправы и это соблюдалось въ точности. Солдаты даже не шевелились, когда гранаты падали у самыхъ понтоновъ.

Благодаря строгому исполненію отданныхъ приказаній переправу 15-го іюня удалось совершить съ огромнымъ успѣхомъ и съ малыми потерями.

V.

ГАРНИЗОННАЯ СЛУЖБА.

Исправный часовой.

(Часовой исполняетъ приказаніе только Государя Императора, караульнаго начальника, караульнаго унтеръ-офицера и своего разводящаго).

езабвенный Царь Петръ Великій, въ свободное отъ занятій время, для возстановленія утомленныхъ силъ, имѣлъ обыкновеніе удаляться иногда въ свою мастерскую, и тамъ въ уединеніи проводилъ нѣсколько минутъ за токарнымъ станкомъ.

Однажды, проходя туда, онъ приказалъ часовому, стоявшему у дверей, никого ни подъ какимъ предлогомъ къ себѣ не впускать. Черезъ четверть часа пришелъ князь Меньшиковъ и, спросивъ у часового: «здѣсь-ли Государь?» хотѣлъ войти къ нему. Но часовой отвѣчалъ: «Государь здѣсь, но не велѣлъ никого къ себѣ впускать».

— Меня ты можешь впустить, сказалъ князь.

— Не пущу, отвѣчалъ часовой.

— Но ты знаешь кто я?

— Знаю, но не пущу.

— Я имѣю до Государя нетерпящую времени нужду.

— Что ни говорите, я знаю приказъ Государевъ.

— Знаешь ли ты, дерзкій, что я, какъ начальникъ твой, велю тебя тотчасъ смѣнить и жестоко наказать?

— Послѣ смѣны съ часовъ вы вольны поступать со мною, какъ хотите, да и тогда долженъ я, смѣняющему меня, тотчасъ передать приказъ Государевъ.

Меньшиковъ въ досадѣ хотѣлъ было, оттолкнувъ часового, войти, но тотъ, уставивъ противъ груди его штыкъ, грозно

закричалъ: «Отойдите, или я заколю васъ!» Князь отступилъ назадъ; произошелъ небольшой шумъ; Государь отво-

рилъ двери и, увидя часового въ боевомъ положеніи, спросилъ: «что это такое?»

Меньшиковъ сталъ жаловаться на солдата, что онъ едва было его не закололъ. Государь спросилъ объ этомъ часового и, узнавъ, какъ происходило дѣло, сказалъ Меньшикову: «Данилычъ, онъ больше знаетъ свою службу, нежели ты; мнѣ-бы жаль было, если-бы онъ закололъ тебя, но ты пропалъ-бы какъ собака». Потомъ строго запретилъ князю на-

казывать солдата, похвалилъ его поступокъ, пожаловалъ ему 5 рублевиковъ и тогда-же приказалъ придворному своему живописцу надъ дверьми токарни изобразить этого часового въ такомъ точно положеніи, въ какомъ увидѣлъ его, отворивъ двери.

Суворовъ на часахъ.

Знаменитый генералиссимусъ русскихъ войскъ, будучи еще рядовымъ, стоялъ на часахъ въ Монплезирѣ, что въ нижнемъ саду въ Петергофѣ. Въ это время по саду прогуливалась Императрица; Суворовъ, вытянувшись въ струнку, ловко отдалъ ей честь ружьемъ. Императрица замѣтила ловкаго молодого солдата, подошла къ нему и спросила его фамилію.

— Суворовъ, Ваше Императорское Величество, отвѣчалъ онъ.

— Суворовъ? Ужъ не родственникъ-ли ты моему старому генералу, Василію Ивановичу?

— Я сынъ его, Ваше Величество!

— Ай да молодецъ! замѣтила Государыня. — Ну, служи-же, служи-же мой милый; желаю, чтобы ты былъ таковъ-же, какъ и отецъ твой, старый заслуженный воинъ.

— Радъ стараться, Ваше Величество!

— А вотъ тебѣ и награда за твою усердную службу, сказала Государыня, подавая молодому Суворову серебряный рубль.

— Ваше Величество! солдатъ, стоя на часахъ, не имѣетъ права, по военному закону, ничего принимать.

— Да ты, какъ я вижу, бравый солдатъ; возьми-же себѣ этотъ рубль, когда смѣнишься съ часовъ. Съ этими словами Императрица положила рубль на землю возлѣ Суворова.

Суворовъ, внѣ себя отъ радости, при смѣнѣ съ часовъ передалъ этотъ рубль ефрейтору и получилъ его въ собственность только при смѣнѣ съ караула. Этотъ первый Высочайшій подарокъ Суворовъ хранилъ до конца своей жизни, какъ драгоцѣнность.

Испытаніе твердаго знанія обязанностей часовымъ.

Въ іюлѣ 1812 года въ окрестностяхъ Смоленска собрались русскія войска для защиты города отъ французовъ. Однажды въ темную, дождливую, холодную ночь, одинъ изъ генераловъ, выйдя изъ своей палатки, подошелъ къ стоящему тутъ-же часовому Ивану Савельеву.—«Что,холодно?» спросилъ генералъ. — «Холодно и мокро, ваше превосходительство!» отвѣчалъ часовой. — «Озябъ ты?» — «Терпѣть можно, ваше превосходительство, не больно озябъ».—«Войди въ палатку, сказалъ генералъ, желая испытать часового. Я тебѣ дамъ стаканъ чаю».—«Не смѣю, ваше превосходительство».—«Войди, я тебѣ приказываю».—«Не смѣю, ваше превосходительство». —«Ну, такъ постой, я тебѣ сюда подамъ».

Налилъ генералъ стаканъ чаю и вынесъ часовому. — «Пей!»—«Не смѣю, ваше превосходительство».—«Пей, когда я тебѣ приказываю», закричалъ генералъ.

Часовой оробѣлъ немного и призадумался, какъ тутъ быть; подумалъ, да во все горло и закричалъ: «Ефрейтора!» Ефрейторъ выскочилъ; часовой потребовалъ смѣны и, сдавъ должнымъ порядкомъ постъ, подошелъ къ генералу, выпилъ стаканъ чаю и поблагодарилъ.

Рядовой Семенъ Полещукъ.

Въ 1833 году, 11 января, въ мѣстечкѣ Тулузахъ сдѣлалось сильное землетрясеніе. При денежной кладовой соляного правленія на часахъ стоялъ рядовой Семенъ Полещукъ. Землетрясеніе было настолько сильно, что зданіе чуть не обрушилось. Всѣ находившіеся въ зданіи чиновники быстро выбѣжали на улицу. Полещуку угрожала видимая опасность; онъ имѣлъ полную возможность выбѣжать изъ зданія первымъ. Но, вѣрный долгу службы, онъ оставался на своемъ посту и, по окончаніи землетрясенія, найденъ чиновниками въ такомъ же неподвижномъ положеніи съ ружьемъ у ноги.

По докладѣ объ этомъ Государю Императору, Его Величество повелѣть соизволилъ: рядового Полещука, за примѣрную неустрашимость и строгое исполненіе своего долга, про-

извести въ унтеръ-офицеры и выдать ему единовременную награду 300 рублей, а поступокъ его сдѣлать извѣстнымъ по всей арміи.

Матросъ Морозовъ.

Въ 1832 году войска наши, вмѣстѣ съ англійскими и французскими, стояли въ Греціи, гдѣ народъ православный только что успѣлъ, съ нашею помощью, сбросить съ себя тяжелое турецкое иго и устроить свое христіанское правительство. Да только, по первому началу, новые порядки въ Греціи трудно устанавливались, и правительство наше принуждено было посылать въ Грецію своихъ солдатъ, усмирять шайки разбойниковъ. Русское войско заняло одинъ приморскій греческій городъ Навиліо. По городу, гдѣ требовалось, разставлены были часовые, въ томъ числѣ на мосту, вмѣстѣ съ греческимъ часовымъ, стоялъ и нашъ часовой, матросъ

Морозовъ. Приказано было никого не пропускать черезъ мостъ. Исправно стояли наши часовые, какъ неожиданно

показался на мосту огромный бѣшеный быкъ. Народъ разступается передъ нимъ и старается укрыться, гдѣ кто можетъ; разъяренный быкъ бѣжитъ съ опущенною головою, направляясь прямо на греческаго часового, а тотъ, не долго думая, чтобы спастись, бросился подъ мостъ. Морозовъ же нашъ, стоявшій рядомъ съ греческимъ часовымъ, не пошевельнулся. Ружье его, хотя и было заряжено пулею, но стрѣлять онъ не находилъ возможнымъ, боясь всполошить гарнизонъ, а когда быкъ бросился на него, то совершенно спокойно взялъ онъ ружье «на руку» и двинулся впередъ. Не успѣлъ быкъ взбросить своей головы кверху, чтобы поднять на рога дерзкаго, какъ Морозовъ всадилъ ему штыкъ между рогами въ самый хребетъ, и бѣшеный быкъ какъ снопъ свалился у ногъ нашего часового.

Весь городъ сбѣжался смотрѣть на Морозова и на быка, съ которымъ пришлось ему сразиться. Не мало дивились всѣ, и греки, и англичане, и французы на нашего богатыря. Государь Императоръ пожаловалъ смѣлому, находчивому часовому сто рублей, а штыкъ, изогнутый отъ удара, велѣно хранить при экипажѣ, къ которому принадлежалъ Морозовъ.

Штыкъ этотъ теперь можно видѣть въ арсеналѣ Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала.

Рядовой Ларіонъ Кулябинъ.

Въ 1834 году, іюля 3-го дня, въ Петербургѣ, во время сильной грозы, ударомъ молніи зажженъ былъ сарай артиллерійской лабораторіи, въ которой хранилось до шести тысячъ ракетъ.

Въ это время на часахъ у сарая стоялъ рядовой Нейшлотскаго полка Ларіонъ Кулябинъ. Когда весь сарай былъ объятъ пламенемъ и будка часового начала уже тлѣть, то находившіеся тутъ *генералы* и *офицеры*, замѣтивъ опасное положеніе часового, *приказывали ему удалиться;* на это Кулябинъ отвѣчалъ: «я могу отходить отъ будки лишь на 10 шаговъ, и до смѣны не сойду со своего поста». И, дѣйствительно, онъ оставался на посту, пока не былъ снятъ караульнымъ начальникомъ.

Необходимое и осмысленное употребленіе въ дѣло оружія.

Въ 1838 году, 2-го іюня, двое изъ содержащихся въ Лидскомъ городскомъ острогѣ арестантовъ были выпущены по своей надобности на дворъ, при трехъ караульныхъ нижнихъ чинахъ, но по выходѣ на улицу вдругъ бросились въ сторону и пустились бѣжать; одинъ изъ нихъ тутъ же былъ схваченъ, а за другимъ погнались двое изъ караульныхъ, и въ помощь имъ, по распоряженію стоявшаго тогда въ карауле унтеръ-офицера Боброва, было тогда послано еще четверо изъ караульныхъ. Догонявшіе арестованнаго нижніе чины могли бы, конечно, стрѣлять, но они не желали прибѣгать къ этому средству, боясь попасть въ кого-либо изъ жителей и желая схватить арестанта живымъ. По нѣкоторомъ преслѣдованіи арестантъ былъ настигнутъ. Но какъ нельзя было схватить и остановить его по быстротѣ бѣга, то одинъ изъ караульныхъ принужденъ былъ ударить его въ спину прикладомъ, отчего онъ упалъ на землю, и тогда уже былъ взятъ.

Прочіе же арестанты, замѣтивъ безпокойство караульныхъ, выбѣжали изъ своихъ камеръ и, схвативъ бывшія внутри острога доски и деревянные подмостки, которые, по случаю починки и бѣленія стѣнъ острога, оставались неубранными рабочими — начали ломать и разбивать въ окнѣ рѣшетку. Тогда унтеръ-офицеръ Бобровъ, выстроивъ тотчасъ вооруженный караулъ, состоявшій изъ наличнаго числа 8-ми рядовыхъ, сначала предлагалъ арестантамъ усмириться, предупреждая ихъ, что онъ въ противномъ случаѣ употребитъ рѣшительныя мѣры, и что ружья у всѣхъ караульныхъ заряжены; но арестанты продолжали свое дѣло и грозили ему, что и онъ не останется живымъ, и уже поломали рѣшетку. Тогда унтеръ-офицеръ Бобровъ приказалъ одному изъ караульныхъ сдѣлать выстрѣлъ мимо арестантовъ, для устрашенія. Потомъ, когда и это не подѣйствовало на нихъ, приказалъ другому караульному сдѣлать второй выстрѣлъ, которымъ и ранило одного изъ арестантовъ въ правую ногу, выше колѣна, навылетъ, а стоявшую въ корридорѣ арестанту въ лѣвый пахъ, чѣмъ арестанты были приведены въ страхъ и, побросавъ всѣ подмостки, разбѣжались по сво-

имъ камерамъ, и такимъ образомъ бунтъ былъ прекращенъ и до побѣга арестанты не были допущены. Всего же вообще содержалось тогда около 30 человѣкъ.

Рядовой Григорій Семеновъ.

Въ гор. Сквирѣ, въ зданіи присутственныхъ мѣстъ, въ 1847 году, произошелъ пожаръ. При находившейся въ томъ зданіи кладовой казначейства въ то время на часахъ стоялъ рядовой Григорій Семеновъ. Несмотря на то, что ему угрожала явная опасность лишиться жизни отъ сильнаго огня и дыма, рядовой Семеновъ не оставлялъ своего поста безъ приказанія разводящаго и тогда уже даже, когда казенныя суммы были уже вынесены изъ кладовой, оставаясь на часахъ до изнеможенія.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу Его Величеству, Высочайше повелѣть соизволилъ: рядового Семенова, за означенный подвигъ самоотверженія и исполненія своего долга, перевести унтеръ-офицеромъ въ гвардію и выдать ему въ единовременную награду 50 рублей серебромъ.

Безъ разводящаго или караульнаго начальника поста не оставлю.

Въ 1851 году, 29-го августа, рядовой Ярославскаго гарнизоннаго баталіона Тихонъ Морозовъ, стоя на часахъ у квартиры окружного генерала 2-го округа, во время пожара, происшедшаго въ городѣ Ярославлѣ, не сошелъ со своего мѣста, несмотря на сильно угрожавшую опасность отъ огня и, *не обращая вниманія ни на какія убѣжденія*, оставался на своемъ мѣстѣ, пока не былъ снятъ ефрейторомъ. Домъ былъ уже такъ объятъ пламенемъ, что пятиминутнаго промедленія было достаточно, чтобы отнять у Морозова возможность къ спасенію.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ рядовому Морозову выдать единовременно 50 рублей.

Рядовой Иванъ Панковъ.

Въ 1857 году, 22-го мая, въ 9 часовъ утра, въ городѣ Боровскѣ, Калужской губерніи, при сильномъ и порывистомъ вѣтрѣ, произошелъ губительный пожаръ, отъ котораго 150 домовъ сдѣлались жертвою губительнаго пламени, въ томъ числѣ: зданія присутственныхъ мѣстъ, городской больницы и цейхгауза, съ частью казеннаго имущества. Во время этого пожара стоялъ на часахъ при цейхгаузѣ Боровской инвалидной команды рядовой Иванъ Панковъ.

Цейхгаузъ былъ въ огнѣ, караульная будка сгорѣла и на рядовомъ Панковѣ начинала тлѣть уже шинель. Вѣрный строгому исполненію своихъ обязанностей, несмотря на явную опасность для жизни, Панковъ оставался на своемъ посту до тѣхъ поръ, пока не былъ снятъ разводящимъ.

Государь Императоръ, по доведеніи о семъ до Высочайшаго свѣдѣнія, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: рядового Панкова, въ награду отлично-ревностнаго исполненія своего долга, произвести въ унтеръ-офицеры, дать 50 рублей и о поступкѣ его объявить въ приказѣ по военному вѣдомству.

Воспрепятствованіе побѣгу арестанта.

Въ 1859 году, 21-го ноября, содержавшійся въ секретной камерѣ Липовецкаго тюремнаго замка, за убійство и кражи, арестантъ Вороновскій, въ два часа пополуночи, подпилилъ у окна желѣзную рѣшетку и вылѣзъ черезъ оное, желая убѣжать. Но стоявшій вблизи часовой подбѣжалъ и

сбилъ арестанта съ ногъ прикладомъ ружья и, при содѣйствіи другого часового, возвратилъ его въ острогъ.

За такое усердное исполненіе обязанностей и расторопность рядовой Меньшиковъ получилъ благодарность начальства, объявленную въ приказѣ по корпусу.

Необходимость внимательнаго осмотра помѣщеній при пріемѣ караула.

Въ 1859 году, 21 сентября, унтеръ-офицеръ Ростовской инвалидной команды Захаръ Ивановъ, при осмотрѣ тюремной больницы, замѣтилъ подъ одною изъ кроватей толченый мѣлъ. Обративъ на это вниманіе, онъ, при прилежномъ осмотрѣ этого мѣста, нашелъ въ стѣнѣ подъ кроватью болѣе 20 дыръ, заклеенныхъ бумагою подъ цвѣтъ штукатурки, расположенныхъ одна возлѣ другой и составлявшихъ четыреугольникъ, мѣрою около 10 вершковъ, въ который легко могъ пролѣзть человѣкъ и убѣжать. Ивановъ тотчасъ же далъ знать объ этомъ начальству, по распоряженію котораго былъ сдѣланъ обыскъ въ больницѣ, при которомъ найдено въ печной трубѣ маленькое долотцо, заостренный кусокъ желѣза, олово и нѣсколько дурмана.

Военный министръ, вслѣдствіе представленія командира корпуса о такомъ усердномъ исполненіи унтеръ-офицеромъ Ивановымъ обязанностей службы, изволилъ разрѣшить выдать ему въ награду 5 рублей.

Внимательный надзоръ за арестованнымъ.

Въ 1860 году, 5 февраля, унтеръ-офицеръ Макарьевской инвалидной команды, Никифоръ Ивановъ, находясь въ карауле въ Макарьевскомъ тюремномъ замкѣ, замѣтилъ рано утромъ, черезъ окошечко дверей арестантской камеры, что арестантъ Григорій Степановъ завязываетъ кредитные билеты Выждавъ, когда всѣ арестанты были выпущены въ ретираджое мѣсто, онъ остановилъ Степанова передъ карауломъ, обыскалъ его и отобралъ у него 47 рублей кредитными билетами, которые въ то же время представилъ смотрителю замка.

За такое усердное исполненіе унтеръ-офицеромъ Ивановымъ долга службы, объявлена ему благодарность въ приказѣ по корпусу внутренней стражи.

Прекращеніе безпорядка вблизи караульнаго дома.

Въ 1860 году, 3-го апрѣля, около 3 часовъ пополудни, у главной кронштадтской гауптвахты раздался крикъ, что на Господской улицѣ гор. Кронштадта зарѣзанъ человѣкъ. Бывшій въ то время въ караулѣ, поручикъ Кислицынъ 2-й тотчасъ послалъ на мѣсто происшествія ефрейтора Тимофея Богачева, съ 2-мя конвойными, которые дѣйствительно нашли на улицѣ изрѣзаннаго человѣка, почти въ безчувственномъ состояніи, и Богачевъ отправилъ его съ конвойными на главную гауптвахту, а самъ, по крику бывшихъ на улицѣ дѣтей,—что близъ Недоносковыхъ бань лежитъ еще зарѣзанный человѣкъ,— отправился туда и дѣйствительно нашелъ тамъ раненаго мужика, лежавшаго безъ чувствъ, и встрѣтилъ бѣжавшихъ къ этому мѣсту пьяныхъ и окровавленныхъ 9 матросовъ. Богачевъ, ставъ на дорогѣ противъ бѣгущихъ, требовалъ, чтобы они остановились; но матросы разбѣжались въ разныя стороны, а одинъ изъ нихъ, скинувъ съ шеи ремень съ привязаннымъ къ нему большимъ ножомъ, бросилъ имъ въ Богачева, который успѣлъ, однако, отбить его ружьемъ. Послѣ этого, матросъ тотъ, вынувъ изъ кармана трехфунтовое ядро, бросилъ имъ въ Богачева, но попалъ въ ружье и разбилъ прикладъ онаго. Тогда Богачевъ посторонился, и въ то время, когда матросъ бросился бѣжать мимо него, ударомъ ружья въ затылокъ сбилъ его съ ногъ, а потомъ, поднявъ, заставилъ его идти впередъ, угрожая въ противномъ случаѣ заколоть, и такимъ образомъ привелъ его на гауптвахту.

За такую примѣрную расторопность, неустрашимость и знаніе службы, ефрейторъ Богачевъ произведенъ въ унтеръ-офицеры.

Д. КАШКАРОВЪ.

Необходимость осмотра вещей, приносимыхъ для передачи арестованнымъ.

Въ 1861 году, 17-го ноября, унтеръ-офицеръ Дмитрій Петровъ, въ бытность его караульнымъ начальникомъ въ Весьегонскомъ (Тверск. губ.) тюремномъ замкѣ, осматривая принесенныя для арестанта Груздева, матерью послѣдняго, чай и сахаръ, нашелъ въ чаѣ вложенную записку о томъ, какъ Груздевъ долженъ отвѣчать на допросѣ по своему дѣлу. Мать Груздева предлагала за возвращеніе этой записки прежде 50 коп., а потомъ 5 рублей, но онъ на эти предложенія не согласился, а представилъ записку начальнику команды.

За это примѣрное исполненіе долга службы, унтеръ-офицеру Петрову объявлена благодарность въ приказѣ по корпусу.

Отобраніе у арестованныхъ недозволенныхъ вещей.

Въ 1862 году, 5-го апрѣля, рядовой С.-Петербургскаго баталіона внутренней стражи, Евдокимъ Кузьминъ, стоявшій на часахъ у будки, на черномъ дворикѣ С.-Петербургской городской тюрьмы, замѣтилъ, что содержавшіеся въ тюрьмѣ арестанты, носившіе въ то время привезенную въ бочкѣ воду, начали вытаскивать изъ-подъ рогожи, находившейся подъ бочкою, — табакъ, и зная, что табакъ не дозволяется употреблять арестантамъ, воспретилъ имъ взять съ собою таковой, давъ о томъ знать въ караульный домъ. Благодаря такой расторопности Кузьмина, привезенный скрытно табакъ былъ отобранъ и тѣмъ предотвращенъ могущій произойти въ тюрьмѣ безпорядокъ при употребленіи табаку въ камерахъ.

За таковую расторопность и точное исполненіе обязанностей часового, рядовой Кузьминъ произведенъ въ унтеръ-офицеры.

Воспрепятствованіе побѣгу.

Въ 1863 году, содержавшіеся въ Тетюшскомъ тюремномъ замкѣ арестанты: Исаковъ, Биктигоровъ и Шамбасовъ, намѣреваясь бѣжать, 5-го іюня, въ часъ пополуночи, при сильномъ дождѣ и вѣтрѣ, разломали звено оконной желѣзной

рѣшетки и стали уже разламывать другое, какъ это замѣтилъ стоявшій на дворѣ часовой рядовой Артемій *Бѣляевъ, который далъ знать объ этомъ голосомъ караулу.* Караульный унтеръ-офицеръ *Ѳедоръ Васильевъ*, услыхавъ голосъ часового, тотчасъ же съ другими солдатами отперъ камеру, гдѣ содержались упомянутые арестанты, и увидѣлъ, что, кромѣ разломанной въ окнѣ рѣшетки, былъ нѣсколько разломанъ еще уголъ въ стѣнѣ камеры, о чемъ тотчасъ далъ знать начальству. Намѣревавшіеся же бѣжать арестанты послѣ этого происшествія были закованы и посажены въ другую камеру.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу представленія начальства о похвальномъ исполненіи долга службы унтеръ-офицеромъ Васильевымъ и рядовымъ Бѣляевымъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: выдать этимъ нижнимъ чинамъ въ награду по 3 рубля серебромъ каждому.

Испытаніе часового.

Разъ какъ-то командиръ одного изъ пѣхотныхъ полковъ, вмѣстѣ съ дежурнымъ по полку повѣрялъ часовыхъ полкового караула въ знаніи ими своихъ обязанностей.

Подойдя къ рядовому Калинину, стоявшему у полкового цейхгауза, онъ сказалъ:

— Здорово, молодецъ.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе, былъ отвѣтъ.

Затѣмъ онъ началъ пристально осматривать часового съ ногъ до головы и вдругъ, какъ бы замѣтивъ что-то, обратился къ дежурному по полку:

— Капитанъ, посмотрите, какое у него заржавленное ружье.

И въ то же время онъ протянулъ руку къ ружью, желая взять его у часового, какъ бы для того, чтобы показать его дежурному по полку. Но часовой быстро отдернулъ ружье, сдѣлавъ шагъ назадъ, и сказалъ:

— Вашему высокоблагородію ружья не отдамъ.

— Дай! приказываю тебѣ, сказалъ сердито командиръ полка.

— Никакъ нѣтъ, не дамъ, рѣшительно отвѣчалъ часовой.

— Почему?

— Потому, что я имѣю право отдать ружье только Государю Императору.

Командиръ полка наградилъ часового и объявилъ объ этомъ въ приказѣ по полку.

Бдительный надзоръ за арестованнымъ.

Въ 1875 году, находившійся на излѣченіи въ Старооскольской земской больницѣ, арестантъ Гордѣй Милынцовъ, въ ночь съ 22-го на 23-е апрѣля, около 10 часовъ вечера, легъ спать въ виду часового и укрылся одѣяломъ. Часовой мѣстной команды, молодой солдатъ изъ новобранцевъ призыва 1874 года, *Степанъ Тютеревъ*, видя, что арестантъ легъ спать, постоянно обращалъ вниманіе на окошечко, прорѣзанное въ дверяхъ арестантской камеры, на спящаго арестанта и, простоявъ на часахъ около двухъ часовъ, услышалъ въ камерѣ шорохъ, о чемъ тотчасъ же извѣстилъ караульнаго ефрейтора, сообщивъ ему о своемъ подозрѣніи. Ефрейторъ Маркеновъ, желая убѣдиться въ сомнѣніи часового, приказалъ караулу стать въ ружье, отперъ дверь, вошелъ въ камеру съ конвойнымъ и, подойдя къ кровати, нашелъ подъ одѣяломъ вмѣсто арестанта свернутый тюфякъ. Бросившись тотчасъ-же по камерѣ въ противоположную сторону, которую часовой не могъ наблюдать черезъ окошечко, увидѣлъ въ печи съ лицевой стороны разобранныя кафли, и въ ней оказался арестантъ, который былъ вытащенъ оттуда за ноги и закованъ въ кандалы.

За такое точное и сознательное исполненіе обязанности часового, молодому солдату Тютереву объявлена благодарность въ приказѣ по мѣстнымъ войскамъ и пожаловано 2 рубля серебромъ.

Рядовой Ерастъ Макаровъ.

Въ 1877 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, содержавшійся въ Ковровскомъ тюремномъ замкѣ, арестантъ, изъ дворянъ, Викторъ Кишкинъ, судившійся за открытое нападеніе на крестьянина, будучи выпущенъ изъ своей камеры для свиданія съ

родственниками и, по оплошности надзирателя, не возвращенный послѣ свиданія въ камеру, подошелъ къ звонку на дворѣ замка и началъ самопроизвольно звонить, сзывая арестантовъ на ужинъ. Стоявшій, вблизи звонка, на часахъ рядовой мѣстной команды Ерастъ Макаровъ взялъ ружье «на руку» и остановилъ Кишкина. Дѣйствіе это не понравилось арестанту и, схвативъ ружье за штыкъ, онъ оттолкнулъ часового, угрожая при этомъ убить его. Потомъ Кишкинъ убѣжалъ въ кухню и оттуда, при помощи другого арестанта, Мошенкова, началъ бросать въ часового кирпичами, одинъ изъ которыхъ попалъ ему въ ногу такъ сильно, что Макаровъ упалъ на одно колѣно. Тогда часовой Макаровъ зарядилъ ружье и, сдѣлавъ выстрѣлъ, *съ намѣреніемъ далъ промахъ*, въ увѣренности, что Кишкинъ послѣ этого убѣжитъ въ замокъ или будетъ взятъ и выведенъ по выстрѣлу карауломъ. Но, увидавъ, что Кишкинъ моментально схватилъ лежащій въ кухнѣ топоръ и съ крикомъ: «Женская камера, ломай дверь!» бросился на него,—часовой Макаровъ сдѣлалъ второй выстрѣлъ, которымъ и убилъ Кишкина наповалъ.

За такое точное исполненіе своей обязанности, ловкость и находчивость, рядовому Макарову, какъ предотвратившему серьезный безпорядокъ между арестантами, въ приказѣ по войскамъ Московскаго военнаго округа объявлено «спасибо».

Часовой употребляетъ въ дѣло оружіе для защиты себя.

Въ 1877 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, содержавшійся въ Горбатовскомъ тюремномъ замкѣ, военный арестантъ Александръ Аляпинъ, будучи выпущенъ изъ камеры на дворъ, внезапно бросился на часового, рядового мѣстной команды Дубровина, занимавшаго постъ во дворѣ замка, у задняго фаса зданія, схватилъ его лѣвою рукою за воротъ шинели, а правою зажалъ ротъ, чтобы часовой не могъ кричать. Но рядовой Дубровинъ, освободивъ ротъ отъ руки арестанта и *вызвавъ громкимъ голосомъ караулъ*, въ то же время рванулся изъ рукъ арестанта и прикладомъ нанесъ ему въ голову сильный ударъ, отъ котораго тотъ на мѣстѣ умеръ.

За такое точное исполненіе своихъ обязанностей и смѣ-

лость, рядовому Дубровину, въ приказѣ по мѣстнымъ войскамъ Московскаго военнаго округа, объявлена благодарность.

Толковое примѣненіе къ дѣлу знанія обязанностей часового.

28-го апрѣля 1896 года, находившійся въ караулѣ при Иркутскомъ тюремномъ замкѣ молодой солдатъ Иркутскаго резервнаго баталіона Яковъ *Панасюкъ*, стоя на часахъ, замѣтилъ, что арестантъ выбросилъ изъ окна тюрьмы записку, которую тотчасъ же подняла неизвѣстная женщина, проходившая мимо тюремнаго замка. Тогда часовой Панасюкъ двукратнымъ окрикомъ потребовалъ отъ убѣгавшей женщины, чтобы она бросила поднятую ею записку и такъ какъ требованіе его не выполнялось, то часовой зарядилъ винтовку и крикнулъ, что будетъ стрѣлять; тогда убѣгавшая женщина бросила записку, которая оказалась предупрежденіемъ къ совершенію побѣга.

Такое исполненіе Панасюкомъ обязанностей часового доказываетъ, что названный молодой солдатъ успѣлъ уже твердо усвоить эти обязанности и въ данномъ случаѣ выказалъ достаточно находчивости.

За такое примѣненіе къ дѣлу знанія обязанностей часового рядовому *Панасюку* было объявлено «*спасибо*» въ приказѣ по бригадѣ и выдано въ награду три рубля.

Подвигъ рядового Ивана Кунгурцева.

Въ 1888 году былъ рядъ страшныхъ землетрясеній въ г. Вѣрномъ и его окрестностяхъ. Мая 28-го, губительною

силою землетрясенія, было разрушено между прочимъ и большое каменное зданіе Вѣрненскаго казначейства. Въ моментъ разрушительнаго подземнаго удара, когда стѣны, давши громадныя трещины, стали мѣстами осѣдать на землю, на часахъ, внутри зданія казначейства, у входа въ денежную кладовую, стоялъ рядовой 7-го Западно-Сибирскаго линейнаго баталіона Иванъ Кунгурцевъ, который, несмотря на начавшееся уже разрушеніе стѣнъ, не покинулъ ввѣреннаго ему караульнаго поста, а, взявъ ружье на молитву, остался мужественно ожидать смерти, свято выполняя свой служебный долгъ, и только по приказанію прибѣжавшаго разводящаго оставилъ свой постъ.

Вслѣдъ затѣмъ, едва рядовой Кунгурцевъ отошелъ отъ двери, послышался страшный грохотъ и стѣны кладовой совершенно обрушились.

По представленію командующаго войсками Омскаго военнаго округа, рядовой Иванъ Кунгурцевъ Всемилостивѣйше пожалованъ былъ, за таковой подвигъ самоотверженія при исполненіи служебныхъ обязанностей, знакомъ отличія ордена Св. Анны и единовременно выдачею 100 рублей.

Буйство арестантовъ въ тюремномъ замкѣ.

8-го мая 1885 года часть арестантовъ гражданскаго вѣдомства, содержавшихся въ тюремномъ замкѣ города Павловска Воронежской губерніи, была наряжена за водою къ рѣкѣ Дону. Тюремный надзиратель, въ вѣдѣніи котораго находились арестанты, *дозволилъ имъ зайти въ питейное заведеніе* для покупки водки. Возвратясь въ тюрьму и *напившись пьяными*, арестанты *произвели буйство*, при чемъ въ шести камерахъ изломали двери въ куски, а въ седьмой сорвали съ петель. Безпорядокъ легко могъ довести до весьма гибельныхъ результатовъ. Но начальникъ караула, младшій унтеръ-офицеръ 5-й роты 72-го резервнаго пѣхотнаго (нынѣ Лаишевскаго) баталіона Романъ Исуповъ немедленно принялъ энергическія мѣры для подавленія бунта и вызвалъ въ то же время изъ казарменнаго помѣщенія нижнихъ чиновъ 5-й роты того же баталіона, съ помощью которыхъ окончательно прекратилъ буйство.

За такую распорядительность и примѣрное исполненіе служебныхъ обязанностей командующій войсками Харьковскаго военнаго округа объявилъ унтеръ-офицеру Исупову благодарность въ приказѣ по округу, а рядовой Ткаченко, выказавшій при усмиреніи арестантовъ особую отвагу и стойкость, былъ награжденъ ефрейторскимъ званіемъ.

Толковое исполненіе обязанностей часового при тюремной больницѣ.

ъ 11 часовъ ночи на 8-е число февраля 1893 года изъ Нижнеудинской тюремной больницы былъ выпущенъ дежурнымъ надзирателемъ арестантъ и съ нимъ два больничныхъ служителя, тоже арестанты, оканчивающіе срокъ заключенія. Лица эти, спустившись съ крыльца больницы, подошли къ воротамъ, но часовой, стоящій снаружи ограды, рядовой Нижнеудинской мѣстной команды Филиппъ Филипповъ, остановилъ ихъ и рѣшительно предложилъ вернуться.

Когда же дежурный надзиратель крикнулъ Филиппову, чтобы онъ пропустилъ арестантовъ и что не дѣло часового задерживать ихъ, такъ какъ корридоръ находится въ вѣдѣніи надзирателя, а не часового,—то на это рядовой Филипповъ заявилъ, чтобы всѣ они уходили обратно, что онъ никого не пропуститъ, а въ противномъ случаѣ будетъ стрѣлять. Послѣ такого предупрежденія, надзиратель впустилъ служителей и арестанта обратно въ больницу, а часовой, рядовой Филипповъ, тогда же далъ знать объ этомъ въ караульный домъ.

Такъ какъ, на основаніи ст. 189 устава о содержащихся подъ стражею, тюремные надзиратели назначаются для наблюденія только за внутреннимъ порядкомъ въ тюремныхъ палатахъ, а наружная охрана тюремъ, согласно ст. 187 вышеприведеннаго устава, возложена на обязанность войскъ, которыя и должны исполнять таковую обязанность на точ-

номъ основаніи устава гарнизонной службы, — то часовой, рядовой Филипповъ, не принявшій приказанія дежурнаго надзирателя и не пропустившій арестантовъ выйти за ограду тюрьмы, поступилъ разумно и правильно, чѣмъ доказалъ твердое знаніе обязанностей часового.

За это рядовому Филиппову была объявлена благодарность въ приказѣ по 27-й мѣстной бригадѣ и выдано въ награду два рубля.

VI.

КОНВОЙНАЯ СЛУЖБА.

Распорядительность унтеръ-офицера Попова.

Во время препровожденія арестантской партіи, въ числѣ 70 человѣкъ, подъ командою унтеръ-офицера Попова, 30-го апрѣля 1831 года, 4 арестанта, закованные въ кандалы, вознамѣрились было бѣжать и, будучи вскорѣ настигнуты унтеръ-офицеромъ Поповымъ съ нѣкоторыми конвойными, отбивались отъ нихъ древесными обломками такъ, что переломали у Попова саблю, у рядового Бѣляева отшибли у ружья прикладъ и еще сдѣлали другія поврежденія въ оружіи конвойныхъ; но за тѣмъ всѣ конвойные, даже *безъ ружейныхъ выстрѣловъ*, успѣли схватить всѣхъ этихъ арестантовъ, и послѣ того вся партія унтеръ-офицеромъ Поповымъ доведена до г. Перми и представлена въ тюремный замокъ въ исправности.

Харитонъ Ѳедосѣевъ.

Въ 1859 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, изъ гор. Бобруйска были отправлены въ г. Игуменъ четыре арестанта подъ конвоемъ нижнихъ чиновъ Шуменской инвалидной команды. Одинъ изъ арестантовъ, дворянинъ Викентій Францишко, слѣдовавшій безъ оковъ въ Шуменскій земскій судъ, пройдя мостъ черезъ рѣку Березу, бросился въ заливъ этой рѣчки и успѣлъ уже отплыть отъ берега около 15 саженъ, но одинъ изъ конвойныхъ, рядовой Харитонъ Ѳедосѣевъ, бросился за нимъ вплавь и, настигнувъ, вытащилъ его благополучно.

Военный Министръ, вслѣдствіе представленія начальства о таковомъ примѣрномъ исполненіи рядовымъ Ѳедосѣевымъ долга службы, изволилъ разрѣшить выдать ему въ награду за усердную службу и расторопность 5 руб. сер. изъ запаснаго капитала корпуса внутренней стражи.

Рядовой Овчинниковъ.

Въ 1875 году, 9-го мая, изъ Звенигородскаго тюремнаго замка были отправлены четыре арестанта за водою, на рѣку Москву, подъ командою нижнихъ чиновъ мѣстной команды. По выходѣ изъ тюрьмы, одинъ изъ арестантовъ, канониръ

Андрей Горталовъ, бросивъ ушатъ и сорвавшись съ цѣпи, которою былъ скованъ съ прочими арестантами, пустился

бѣжать къ находившейся вблизи тюрьмы сосновой рощѣ; но конвойный *рядовой Овчинниковъ* бросился за нимъ въ погоню и, не видя никакой возможности настигнуть и остановить его, сдѣлалъ по бѣгущему выстрѣлъ, ранивъ его пулею навылетъ ниже лѣвой лопатки, вслѣдствіе чего Горталовъ упалъ, былъ взятъ и доставленъ обратно въ тюремный замокъ.

За таковую бдительность и находчивость рядового *Овчинникова*, начальникъ мѣстныхъ войскъ Московскаго военнаго округа приказалъ ему выдать 10 рублей.

Вооруженное нападеніе на конвойныхъ.

Въ 1822 году, рядовые Кобринской инвалидной команды: Мартинъ Моншталь, Иванъ Ковальчукъ, Степанъ Гончаровъ и Илья Литвинчукъ, были отправлены съ арестантами, для конвоированія ихъ до г. Пинска. Не доходя до мѣстечка Яново, близъ лѣса, они зашли въ корчму напиться воды и застали тамъ четырехъ подозрительныхъ людей, въ крестьянской одеждѣ, съ охотничьими ружьями, сидѣвшихъ за столомъ, которые стали потчивать ихъ виномъ; но они пить его отказались; тогда тѣ четыре человѣка потребовали отъ нихъ, чтобы они отпустили арестантовъ, угрожая, что, въ противномъ случаѣ, отнимутъ ихъ силою, при чемъ въ то же время бросились на конвойныхъ, чтобы отбить у нихъ ружья. Но рядовой Моншталь, бывшій за старшаго, опасаясь, чтобы не упустить арестантовъ, которые, между тѣмъ, начали уже бунтовать, одного изъ четырехъ незнакомцевъ ранилъ штыкомъ въ бокъ, а другого въ ляжку; при чемъ хотя самъ и получилъ отъ нихъ сильный ударъ стволомъ по головѣ, однако, съ помощью другихъ конвойныхъ, успѣлъ отобрать у нихъ два ружья, послѣ чего они изъ корчмы вышли и стали заряжать оставшіяся у нихъ ружья. Рядовой Моншталь, увидя это, приказалъ конвойнымъ зарядить и свои ружья боевыми патронами, и, какъ по отдаленности корчмы отъ селенія и по отлучкѣ хозяина ея, нельзя было ожидать ни откуда помощи, то вывелъ арестантовъ черезъ заднія двери; бѣглецы же за ними погнались — двое со своими ружьями, а третій съ коломъ, крича, чтобы оставили отня-

тыя у нихъ ружья и что безъ того ихъ не отпустятъ, и съ этими словами въ нихъ выстрѣлили. Тогда рядовой Моншталь приказалъ двумъ изъ конвойныхъ вести арестантовъ впередъ, а самъ съ рядовымъ Ковальчукомъ отстрѣливался. Въ такомъ положеніи они прошли лѣсомъ болѣе семи верстъ,

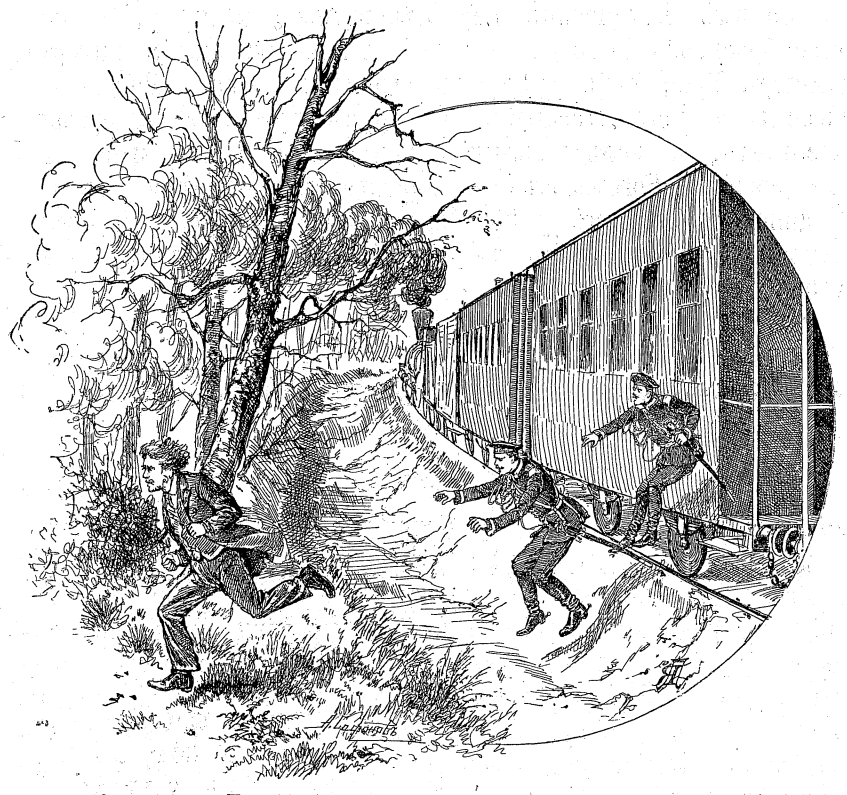
послѣ чего преслѣдовавшіе ихъ люди отстали, а конвойные съ арестантами благополучно прибыли въ мѣстечко Яновъ.

По докладу о семъ Государю Императору, Его Величество повелѣть соизволилъ: ефрейтора Моншталя произвести въ унтеръ-офицеры и дать ему въ награду 200 рублей, а рядовымъ по 50 рублей за смѣлое и благоразумное дѣйствіе ихъ противъ нападенія разбойниковъ.

Сознаніе долга службы.

Двое жандармскихъ унтеръ-офицеровъ — Иванъ Савиныхъ и Григорій Лабоцкій — сопровождали, по С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ, какого-то молодого арестанта. Отъѣхавъ верстъ девять отъ г. Динабурга, арестантъ сталъ

жаловаться, что ему, отъ сильной жары въ вагонѣ, очень дурно; тогда отперли немного дверь, къ которой и подошелъ арестантъ. Затѣмъ, не смотря на то, что поѣздъ былъ въ полномъ ходу и, вслѣдствіе покатости пути, шелъ быстрѣе обыкновеннаго, арестантъ моментально бросился изъ дверей вагона на полотно дороги и пустился бѣжать въ близъ



лежащій лѣсъ. Вотъ тутъ-то солдатики и показали себя! Не раздумывая, они выскочили вслѣдъ за бѣжавшимъ и, несмотря на то, что при скачкѣ сильно ушиблись, все-таки успѣли задержать его.

Воспрепятствованіе побѣгу.

Въ 1862 году, 23-го ноября, арестанты Богомазовъ Васильевъ и Меленовичъ, находившіеся въ этапномъ домѣ, въ селеніи Должи, Витебской губерніи, были выведены въ

ретирадное мѣсто, устроенное въ сѣняхъ этапнаго дома. Замѣтивъ въ этихъ сѣняхъ два ружья, стоявшія у дверей подъ надзоромъ часового Торбѣева, двое изъ арестантовъ — Богомазовъ и Меленовичъ схватили означенныя ружья, и первый нанесъ прикладомъ часовому столь сильный ударъ, что прикладъ переломился и часовой упалъ безъ чувствъ.

Затѣмъ Меленовичъ передалъ ружье Васильеву, и всѣ трое бросились бѣжать; однако старшій конвойный унтеръ-офицеръ Тушниковъ съ тремя рядовыми догналъ Васильева, выбилъ у него тесакомъ изъ рукъ ружье и задержалъ арестанта, а вслѣдъ затѣмъ пойманъ былъ и арестантъ Меленовичъ. Богомазовъ же, настигнутый въ лѣсу, упорно защищался бывшимъ у него изломаннымъ ружьемъ и былъ схваченъ Тушниковымъ только тогда, когда получилъ три удара тесакомъ по головѣ.

Необходимость осмотра конвоируемыхъ арестантовъ.

Въ 1862 году, содержавшійся въ Петербургскомъ тюремномъ замкѣ, за дѣланіе фальшивыхъ монетъ, французскій подданный, арестантъ Жюль Дрессенъ, 26-го октября, слѣдуя въ тюремный замокъ изъ палаты уголовнаго суда съ конвойнымъ рядовымъ Трофимомъ Михайловымъ, испросилъ дозволеніе зайти въ отхожее мѣсто, подъ предлогомъ естественной надобности, и тамъ, вынувъ изъ кармана горсть нюхательнаго табаку, бросилъ его въ глаза конвойному и побѣжалъ. Михайловъ, несмотря на сильную боль въ глазахъ, гнался за арестантомъ и поймалъ его на Адмиралтейской площади.

Военный Министръ, въ награду за похвальный его поступокъ, разрѣшилъ выдать ему 5 рублей серебромъ.

VII.

ВНУТРЕННЯЯ СЛУЖБА.

Рядовой Останинъ.

3-го января 1893 года рядовой Красноярскаго резервнаго баталіона Камынинъ былъ отправленъ командиромъ роты, за пьянство, подъ арестъ. Для сопровожденія его былъ назначенъ рядовой того же баталіона *Останинъ*. По пути къ гауптвахтѣ рядовой Камынинъ бросился бѣжать, но Останинъ догналъ его и, схвативъ за грудь, повелъ за собой; Камынинъ сперва началъ упираться, а потомъ досталъ изъ кармана ножъ и нанесъ Останину рану въ бедро правой ноги. Рядовой Останинъ почувствовалъ боль, но, дабы не упустить Камынина, свалилъ его на землю, налегъ на него и закричалъ о помощи; а Камынинъ въ это время вторично нанесъ Останину рану ножемъ.

Несмотря на боль отъ полученныхъ ранъ, рядовой Останинъ дождался помощи и затѣмъ, съ высланнымъ на помощь, отведя рядового Камынина на гауптвахту, возвратился въ роту и доложилъ обо всемъ случившемся дежурному по ротѣ, послѣ чего былъ отправленъ въ лазаретъ на носилкахъ, такъ какъ самъ идти не могъ вслѣдствіе слабости отъ потери значительнаго количества крови изъ полученныхъ ранъ.

За таковой поступокъ рядовому Останину было объявлено сердечное спасибо въ приказѣ по бригадѣ и назначено въ награду пять рублей.

Приказъ этотъ предписано было прочесть во всѣхъ ротахъ и командахъ въ присутствіи нижнихъ чиновъ, указавъ имъ на рядового Останина, какъ на достойный подражанія примѣръ точнаго исполненія служебныхъ обязанностей, несмотря ни на какія препятствія. Раны заживутъ, говорилось въ приказѣ, а рядовой Останинъ всегда будетъ горделиво сознавать, что онъ, получивъ одну и другую раны, даже и не помышлялъ ни о боли, ни о личной опасности; въ виду же долга службы вся забота этого солдата состояла лишь въ точномъ исполненіи полученнаго имъ приказанія.

Рядовой Алексѣй Ивановъ.

Гренадерскаго сапернаго Его Императорскаго Высочества Петра Николаевича баталіона рядовой *Алексѣй Ивановъ*, находясь на платформѣ Колпинской станціи Николаевской желѣзной дороги, въ числѣ дневальныхъ при баталіонномъ имуществѣ, былъ призванъ, въ ночь на 16-е мая 1882 года, въ помощь полиціи для поимки вора. Рядовой Алексѣй Ивановъ вора задержалъ, но въ то же время получилъ отъ руки злодѣя смертельную рану, отъ которой тотчасъ же умеръ.

Его Императорское Высочество Главнокомандующій войсками Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, о таковомъ оказанномъ названнымъ рядовымъ беззавѣтномъ и стоившемъ ему жизни содѣйствіи полиціи, оставляющемъ добрую память о чести и доблести Иванова, изволилъ приказать объявить въ приказѣ по округу и назначилъ въ пособіе бездѣтной вдовѣ покойнаго 50 рублей.

Помощь полиціи.

Въ 1862 году, въ ночь на 26-е число сентября, Рыбинской команды внутренней стражи, рядовой Дмитрій *Звѣревъ*, отправляясь по приказанію начальника команды, вмѣстѣ съ рядовымъ Никифоромъ Никитинымъ, для осмотра квартиръ другихъ нижнихъ чиновъ, былъ случайно встрѣченъ на пути квартальнымъ надзирателемъ мѣстной городской полиціи и приглашенъ имъ для поимки дезертира Чистякова, скрывавшагося въ домѣ крестьянина Крылова. По прибытіи къ этому дому, квартальный надзиратель, поручивъ Звѣреву и Никитину, вмѣстѣ съ бывшими при этомъ полицейскими служителями, наблюдать за означеннымъ арестантомъ, самъ отправился просить изъ команды вооруженныхъ солдатъ для содѣйствія въ поимкѣ дезертира. Черезъ нѣсколько минутъ по уходѣ его, изъ дома Крылова вышли: сперва женщина, одѣтая въ мужское платье, и тотчасъ же была задержана рядовымъ Звѣревымъ, который потомъ передалъ ее Никитину, а вслѣдъ за этою женщиною — дезертиръ Чистяковъ, одѣтый въ женское платье, при чемъ онъ покушался пробѣжать

мимо рядового Звѣрева. Но Звѣревъ удержалъ Чистякова, несмотря на явную для себя опасность, ибо преступникъ втащилъ его въ сѣни, началъ бить и при этомъ нанесъ ему ножемъ значительную рану въ лобъ.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу комитета министровъ объ означенномъ похвальномъ поступкѣ и самоотверженіи рядового Звѣрева, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ему серебряную медаль съ надписью «за усердіе», на Станиславской лентѣ.

Примѣрное исполненіе обязанностей дневальнаго.

Батумскаго крѣпостного пѣхотнаго баталіона рядовой *Василій Быстровъ*, находясь, 4-го апрѣля 1892 года, вѣстовымъ при баталіонной канцеляріи, былъ посланъ вечеромъ, съ пакетомъ, къ офицеру. Дорогой Быстровъ подвергся нападенію злоумышленниковъ, изъ туземцевъ, въ числѣ шести человѣкъ, которые, пытаясь завладѣть бывшимъ при Быстровѣ ружьемъ, нанесли ему значительныя раны и ушибы въ голову и по другимъ частямъ тѣла, но, несмотря на это, рядовой Быстровъ не далъ отнять своего ружья. О силѣ и энергіи сопротивленія Быстрова столь значительному числу злоумышленниковъ, — сопротивленія, вызваннаго желаніемъ сохранить бывшее у него ружье, можно судить по тому, что штыкъ на ружьѣ оказался погнутымъ, ложа со слѣдами порубовъ острымъ оружіемъ и все ружье забрызгано кровью.

Признавая въ такомъ поступкѣ рядового Быстрова особенный подвигъ мужества и весьма похвальное исполненіе долга службы, командующій войсками Кавказскаго военнаго округа приказалъ выдать Быстрову въ награду 50 рублей и подвигъ этотъ сдѣлать извѣстнымъ всѣмъ нижнимъ чинамъ округа.

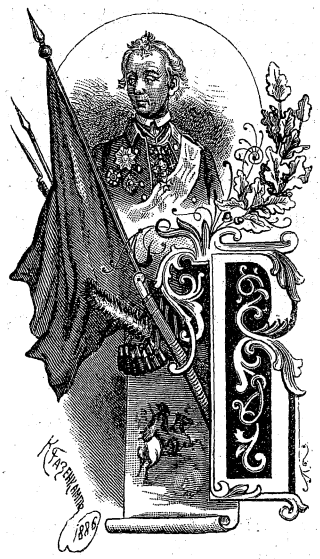
Примѣрное исполненіе обязанностей дневальнаго у воротъ.

Рядовой 145-го Новочеркасскаго Императора Александра III полка, Пржелутскій хотѣлъ безъ разрѣшенія, послѣ переклички,

уйти со двора. Стоявшій дневальнымъ у воротъ рядовой 10-й роты Назаревичъ словами предлагалъ Пржелутскому возвратиться назадъ, но, несмотря на увѣщанія, послѣдній не оставлялъ своего намѣренія; тогда Назаревичъ принужденъ былъ силою задержать Пржелутскаго, который, сопротивляясь, даже поранилъ дневальному руку. Видѣвшіе это дневальные 5-й роты Иванъ Семеновъ и 8-й роты Иванъ Григорьевъ пришли на помощь дневальному и задержали Пржелутскаго. О таковомъ похвальномъ поступкѣ названныхъ рядовыхъ отдано было въ приказѣ и объявлено молодцамъ нижнимъ чинамъ «спасибо».

VIII.

СТОРОЖЕВАЯ И РАЗВѢДЫВАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБЫ.



Развѣдка непріятельскаго расположенія.

ечеромъ однажды Суворовъ возвращался къ своему отряду отъ главнокомандующаго, съ проводникомъ и двумя казаками. Всадники припоздали; наступившая ночь застигла ихъ въ лѣсу. Глухіе раскаты грома возвѣстили приближеніе грозы, небо заволокло тучами, дождь полилъ, какъ изъ ведра. Проводникъ первымъ

дѣломъ сбѣжалъ. Проплутавши сколько-то времени, Суворовъ легъ подъ деревомъ, прикрылся шинелькой и вздремнулъ. На разсвѣтѣ казаки замѣтили, что вдоль опушки стоятъ прусскіе аванпосты. «Помилуй Богъ, какъ это хорошо!» вскрикнулъ Суворовъ. Онъ приказалъ казакамъ сейчасъ же скрыться въ кусты, и самъ ползкомъ пробрался къ высокому дереву, что стояло на самой опушкѣ, вскарабкался наверхъ, выглядѣлъ расположеніе непріятеля, счелъ его силы, а затѣмъ благополучно вернулся къ своимъ. — «Ну, подивились мы, глядя на васъ», сказали донцы. — «Смѣлымъ Богъ владѣетъ», отвѣтилъ Суворовъ, вскочивъ на коня. Въ этотъ же день авангардъ летучаго непріятельскаго корпуса былъ Суворовымъ разбитъ, главныя силы шибко отступили.

Какъ партизанъ Фигнеръ пробрался къ непріятельскому биваку.

Въ войну 1812 года партизанъ Фигнеръ, съ находившимся въ его отрядѣ Сумскаго гусарскаго полка поручикомъ Орловымъ, оба переодѣтые въ французскіе мундиры, отправились съ проводникомъ изъ крестьянъ въ село Вороново, гдѣ находился тогда лагерь авангарда Наполеоновской арміи и была расположена главная квартира Мюрата. Пробравшись незамѣтно черезъ цѣпь аванпостовъ, Фигнеръ подъѣхалъ къ мосту на рѣчкѣ, прикрывавшей непріятельскіе биваки. Пѣхотный часовой, стоявшій на мосту, встрѣтилъ его окликомъ: «кто идетъ?» и потребовалъ отзыва; но Фигнеръ, вмѣсто отзыва, котораго, разумѣется, не зналъ, разругалъ (на французскомъ языкѣ) часового за неправильную, будто бы, формальность въ отношеніи къ рунду, повѣряющему посты. Часовой, совсѣмъ сбившійся съ толку, пропустилъ обоихъ партизановъ въ лагерь, куда Фигнеръ явился какъ свой; подъѣзжая ко многимъ кострамъ, узналъ все, что ему было нужно, и возвратился къ мосту. Тамъ, снова сдѣлавъ наставленіе знакомому часовому, чтобы онъ не смѣлъ останавливать рундовъ, переѣхалъ черезъ мостъ и сначала пробирался шагомъ, а потомъ, приблизясь къ цѣпи аванпостовъ, промчался черезъ нее вмѣстѣ съ Орловымъ подъ пулями и возвратился къ отряду.

Значеніе внимательнаго наблюденія за непріятелемъ.

Въ 1812 году, когда Наполеонъ вывелъ свои войска изъ Москвы, никто не зналъ, куда онъ ихъ поведетъ. Наши стояли за Москвою. Извѣстный въ то время развѣдчикъ (партизанъ) Сеславинъ укрылся въ лѣсу, не доходя нѣсколькихъ верстъ до села Фоминскаго; мѣсто это онъ самъ выбралъ и не ошибся: Наполеонъ, дѣйствительно, со свитою, по дорогѣ направился въ его сторону; дорога вела на Калугу, черезъ Малоярославецъ. Сеславинъ далъ знать нашимъ, и генералъ Кутузовъ быстро перевелъ наши войска къ Малоярославцу и затѣмъ далъ сраженіе; войска Наполеона были разбиты и ему пришлось отступать по той же уже разоренной дорогѣ, по которой онъ пришелъ въ Россію. Не узнай мы во-время, что Наполеонъ черезъ Малоярославецъ идетъ къ Калугѣ, онъ могъ бы захватить въ Калугѣ большіе продовольственные и боевые запасы и, такимъ образомъ, могъ бы держаться гораздо дольше, а то — и уйти къ себѣ подобру по-здорову.

Къ чему ведетъ безпечное несеніе сторожевой службы.

Въ 1826 году, персы внезапно вторглись въ наши владѣнія, начали войну и окружили большими силами нашу крѣпость Гумры, въ которой находился незначительный гарнизонъ. Уже долго длилась осада и положеніе гарнизона, вслѣдствіе недостатка припасовъ, становилось весьма затруднительно. Но вотъ ночью на 31-е іюля, въ крѣпость пробрался, наконецъ, лазутчикъ и доставилъ приказаніе главнокомандующаго объ отступленіи. Ночь случилась темная; страшная буря съ грозой и ливнемъ разразилась надъ окрестностью. Въ эту-то ночь небольшой русскій отрядъ, оставивъ въ укрѣпленіи всѣ лишнія тяжести, и тѣмъ не менѣе все-таки съ обозомъ въ 1,200 арбъ, приготовился къ отступленію.

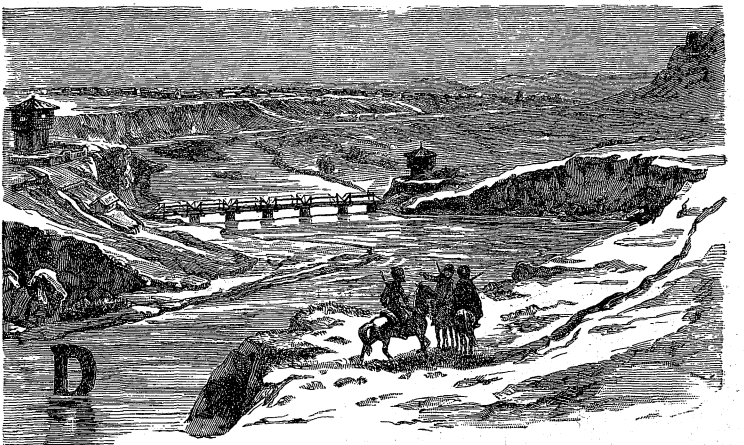
Въ непроницаемой тьмѣ, при грозномъ завываніи бури и раскатахъ грома, осторожно двинулись войска за провод-

никомъ, *который благополучно и провелъ ихъ мимо персидскихъ карауловъ*. Безпечность непріятеля была такъ велика, что отступленіе русскихъ было замѣчено только тогда, когда отрядъ былъ уже далеко и миновалъ самые опасные горные проходы. Отрядъ отошелъ уже верстъ 20, когда его аріергардъ былъ, наконецъ, настигнутъ непріятелемъ.

Пробрались сквозь войска непріятеля и доставили донесеніе.

ъ войну съ персами 1826 года, многочисленная непріятельская армія осадила крѣпость Шушу. Начальникъ расположеннаго въ ней русскаго отряда долженъ былъ доставить главнокомандующему, генералу Ермолову, донесеніе о всемъ происшедшемъ. Дѣло представлялось далеко не легкимъ, такъ какъ курьерамъ нужно было пробираться сквозь сплошную стѣну персидскихъ войскъ, обложившихъ Шушу. Нашлись, однако, два казака, которые вызвались доставить въ Тифлисъ донесенія. Ночью, на 27-е число, выѣхали они изъ воротъ Шуши и стали пробираться къ Тифлисской дорогѣ, уже занятой персіянами. Ихъ скоро открыли, и цѣлыя сотни всадниковъ пустились за ними въ погоню. Казаки порѣшили разъѣхаться, чтобы, на случай гибели одного, другой могъ исполнить порученіе; одинъ пустился по большой дорогѣ, другой свернулъ на проселочную. Тощія донскія лошаденки превзошли, однако, отличныхъ персидскихъ скакуновъ, — и оба казака, далеко оставивъ за собою погоню, благополучно достигли Тифлиса.

Геройски отбитое нападеніе на нашу наблюдательную заставу.



Въ 1827 году, наши войска осаждали персидскую крѣпость Эривань. Впереди крѣпости текла рѣчка Занка; у моста, перекинутаго черезъ нее, стояла наша наблюдательная застава (постъ), назначеніе которой было: препятствовать переходу непріятеля черезъ мостъ. Проходилъ день за днемъ среди мелкихъ перестрѣлокъ и стычекъ; но попытокъ прорвать блокирующую линію русскихъ войскъ долго не было. Вдругъ, въ ночь съ 29-го на 30-е апрѣля, на нашу заставу внезапно бросилась персидская конница — Богъ вѣсть откуда появившаяся, но, видимо, намѣревавшаяся прорваться въ крѣпость. По первымъ же выстрѣламъ, гарнизонъ, съ своей стороны, сдѣлалъ сильную вылазку, и постъ былъ окруженъ густыми толпами непріятеля. 50 человѣкъ солдатъ, съ поручикомъ Петровымъ во главѣ, видя многочисленность персіянъ, заняли бугоръ неподалеку отъ моста и здѣсь выдержали геройскій бой съ непріятелемъ, въ двадцать разъ превосходившимъ ихъ силами. Пока Петровъ отбивался, крѣпость гремѣла изъ всѣхъ орудій сѣвернаго и западнаго фаса, чтобы не допустить на мѣсто боя подкрѣпленій. Батареи маіоровъ Хамуцкаго и Юдина стали отвѣчать, а взводъ карабинеровъ двинулся на выручку Петрова. Но тамъ уже дѣло окончилось. Петровъ не только отстоялъ свой постъ, но смѣлымъ ударомъ въ штыки разогналъ непріятеля: сарбазы возвратились въ крѣпость, конница ушла

обратно на ту сторону Занки. Съ наступленіемъ дня русскіе могли убѣдиться, что попытка непріятеля стоила ему громадныхъ потерь: все поле между бугромъ и крѣпостью было завалено персидскими тѣлами. Въ русскомъ отрядѣ потерь не было, что объясняется отличнымъ выборомъ позиціи и самою смѣлостью внезапнаго перехода отъ обороны къ наступленію. Начальникъ поста, поручикъ Петровъ, за это дѣло получилъ золотую шпагу — случай въ то время исключительный.

Снятіе непріятельскаго поста.

Во время Кавказской войны, въ набѣгахъ нашихъ отрядовъ, громившихъ аулы, пластуны рыскали впереди, какъ ищейки, оберегали безопасность войскъ, намѣчали кратчайшій путь, снимали горскіе пикеты.

Вотъ, въ темную непроглядную ночь, отрядъ перешелъ Кубань и повернулъ влѣво, черезъ плавни. Кони спотыкаются, фыркаютъ, пушки прыгаютъ по кочкамъ, никакъ не убережешься, чтобы подойти тихо. Версты за три отъ аула отрядъ остановился, вырядилъ четырехъ пластуновъ осмотрѣть, нѣтъ ли пикетовъ и можно ли идти дальше. Пройдя половину пути, пластуны замѣчаютъ — въ кустахъ что-то блеститъ. — «Это огонекъ, говоритъ урядникъ, — слушайте, братцы: этотъ огонекъ непремѣнно нужно уничтожить. Еще немножко пройдемъ, а дальше пополземъ. Какъ я завою по волчьи, то сразу кидайтесь и давите ихъ». — Пластуны вошли въ дремучій лѣсъ; чѣмъ дальше углублялись, нога все тише и тише становилась на сучья и кочки. За 200 шаговъ они поползли. Еще немного, урядникъ пискнулъ: они остановились, а онъ поползъ дальше. Костеръ догоралъ. Подлѣ него сидѣли 4 черкеса, пятый ходилъ на часахъ; два что-то варили, остальные вели бесѣду. Прошло съ четверть часа, урядника нѣтъ; между тѣмъ поднялся сильный вѣтеръ, нагнало тучи, грянулъ громъ, засверкала молнія. — «Псъ!» отозвался урядникъ: «Ты, Петро, кинешься на часового и положи его отъ разу, а потомъ намъ помогай; ты Хома, на того, что подлѣ огня лежитъ; а мы съ тобой, Герасимъ, управимся съ остальными. Съ Богомъ!» Вынули пластуны кинжалы, поползли..... Глядитъ Петро, а часовой

такой здоровый, что и въ темной хатѣ былъ бы замѣтенъ, да дѣлать нечего; бросился, охватилъ его правой рукой, а лѣвой всадилъ ему кинжалъ прямо подъ сердце. И не пискнулъ бѣдняга. Тогда Петръ бросился къ одному изъ спящихъ;

всадилъ ему кинжалъ между плечъ; горецъ заревѣлъ такъ, что лѣсъ дрогнулъ. Завязалась борьба: то горецъ лежалъ внизу, то Петръ хрипѣлъ подъ нимъ. Ужъ рука черкеса поднялась, сверкнулъ кинжалъ, но Петръ увернулся и опять очутился сверху: теперь онъ ждалъ, пока помогутъ товарищи. Однако черкесъ сразу какъ-то утихъ, кинжалъ самъ собой выпалъ изъ рукъ. Когда Петръ обернулся назадъ, то уви-

дѣлъ, что Герасиму приходитъ конецъ: уже два раза пырнулъ его кинжаломъ горецъ, замахнулся въ третій... Тигромъ наскочилъ на него Петръ, прикончилъ, а все-таки дядьку Герасима не могъ воскресить! Плакать было некогда, обобрали убитыхъ черкесовъ, тѣла затащили въ кусты, кровь притоптали, какъ будто пикетъ ушелъ въ обходъ. Урядникъ умудрился взять живьемъ одного черкеса; ему завязали ротъ и потащили дальше. На обратномъ пути пластуны подняли тѣло товарища. Ни одна собака не залаяла, такъ ловко подвели они войска; обложили аулъ кругомъ, пролежали ночь, а съ разсвѣтомъ бросились въ середину. Тутъ ужъ конецъ извѣстенъ.

Истребленіе непріятельскаго разъѣзда.

Незначительный русскій отрядъ былъ окруженъ персіянами въ укрѣпленіи Шахъ-Вулахъ. Когда явился недостатокъ въ продовольствіи, то изъ крѣпости высылались на фуражировку небольшія команды, которыя преданный намъ горецъ Іоганесъ счастливо проводилъ мимо турецкаго лагеря. Однажды такая команда наткнулась на конный непріятельскій разъѣздъ; положеніе команды было критическое. Но, пользуясь густымъ туманомъ, солдаты устроили засаду; когда непріятель подошелъ къ ней, то какъ тигры бросились солдаты на враговъ и истребили всѣхъ безъ выстрѣла, одними штыками. Чтобы скрыть слѣды этого побоища, они забрали лошадей съ собою; кровь на землѣ затоптали, а убитыхъ стащили въ оврагъ, гдѣ закидали землей и кустарникомъ. Въ персидскомъ лагерѣ такъ ничего и не узнали объ участи погибшаго разъѣзда.

При внезапномъ нападеніи — часовой стрѣляетъ.

Въ Чечнѣ вспыхнуло возстаніе. — Укрѣпленіе Амиръ-Адышъ-Юртъ было занято ротою 43-го егерскаго полка. Была глухая, мрачная ночь. Вѣтеръ гудѣлъ по ущельямъ и подъ его шумъ чеченцы тихо и незамѣтно подошли къ укрѣпленію со стороны лѣса. Они внезапно бросились на часового, стоявшаго на валу; онъ выстрѣлилъ. Но едва онъ успѣлъ выстрѣлить, какъ былъ изрубленъ весь въ куски, а вслѣдъ затѣмъ рухнулъ плетень и чеченцы съ гикомъ бросились въ

укрѣпленіе. Тогда на дежурномъ посту забили тревогу. Затѣмъ уже начался отчаянный и кровопролитный бой внутри укрѣпленія, при чемъ погибъ командиръ роты капитанъ Осиповъ.

Секретъ предупредилъ внезапное нападеніе непріятеля.

Рота Апшеронскаго пѣх. полка, подъ командою капитана Овечкина, сопровождала транспортъ изъ укр. Бурной въ Параулъ, въ Дагестанѣ. Около Куфыръ-Кумыка транспортъ былъ атакованъ двухтысячною конною толпою. Командиръ роты, храбрый Овечкинъ, знаменитый защитникъ Чираха *), устроилъ изъ повозокъ каре и съ помощью орудія удерживалъ непріятеля. Сообщенія, однако же, были отрѣзаны, и ему невозможно было дать знать въ Параулъ о случившемся. По счастію, находившійся въ Параулѣ полковникъ Евреиновъ, безпокоясь за долгое отсутствіе Овечкина, самъ выступилъ къ нему навстрѣчу. Отряды соединились; но непріятель, усилившись въ это время до шести тысячъ человѣкъ, обложилъ ихъ, оставивъ свободною одну только дорогу къ Таркамъ. Горцы думали, что русскіе поспѣшатъ воспользоваться ею для отступленія, и приготовились напасть на нихъ во время отступленія. Но Евреиновъ отлично понялъ желаніе горцевъ, и потому, устроивъ вагенбургъ на открытой равнинѣ, сталъ выжидать нападенія. Цѣлый день шла перестрѣлка, а 14-го августа ночью лезгины повели траншею и, укрываясь въ ней отъ выстрѣловъ, постепенно приблизились почти къ самому лагерю, который былъ окруженъ передовою цѣпью, а впереди ея высланы секреты. Было около полуночи, когда секреты открыли непріятельскія работы, и едва успѣли они извѣстить объ этомъ посты, какъ тѣ уже были атакованы. Во-время поддержанные изъ лагеря посты устояли, и дѣло до самаго разсвѣта ограничилось сильною перестрѣлкою. Но едва забрезжился свѣтъ, пѣхота съ барабаннымъ боемъ пошла на непріятельскіе окопы. Траншея взята была приступомъ, и горцы, стѣсненные во рву, понесли большія потери. Войска преслѣдовали ихъ до самаго селенія Куфыръ-Кумыкъ, которое немедленно очищено было горцами. 300 непріятельскихъ

*) См. стр. 13.

тѣлъ оставлено было на мѣстѣ горцами. Полковникъ Евреиновъ приказалъ тотчасъ же, на глазахъ непріятеля, повѣсить четырехъ плѣнныхъ мятежниковъ, а тѣла убитыхъ оставить безъ погребенія. Цѣлый день, 15-го августа, длилась изъза нихъ перестрѣлка, такъ какъ горцы, по обычаю, пытались поднять тѣла; но къ вечеру перестрѣлка стихла; непріятель отступилъ и скрылся въ Койсобулинскія горы *).

Достали языка.

Во время Польской войны, Андріанъ Денисовъ, будущій атаманъ казачьихъ войскъ, получилъ передъ сраженіемъ приказаніе достать языка. Казакъ его полка Быкодаровъ подговорилъ нѣсколькихъ товарищей и выѣхалъ съ ними за цѣпь, самъ — впереди. Дѣло было среди бѣлаго дня. Ихъ замѣтили два польскихъ улана, повернули назадъ и, проскочивъ свою цѣпь, крикнули, что за ними погоня. Часовой, должно быть, не разобралъ въ чемъ дѣло, да и синій мундиръ казака сбилъ его съ толку, потому что у поляковъ тоже были синіе мундиры. Быкодаровъ подскочилъ къ часовому, выхватилъ у него саблю, пистолеты, и пока онъ съ нимъ возился, подъѣхали товарищи. Втроемъ они окружили часового и поскакали назадъ.

Нечаянное нападеніе вслѣдствіе недостаточной бдительности часового.

Во время послѣдняго возстанія въ Польшѣ двѣ роты пѣхоты расположились бивакомъ близъ одного изъ горныхъ заводовъ. Такъ какъ по слухамъ вблизи непріятеля не было, то, чтобы не утомлять напрасно войска, вмѣсто непрерывной цѣпи аванпостовъ, были выставлены только часовые на мостахъ и на дорогѣ. Партія непріятеля тихо подошла къ часовому, стоявшему на мосту и вѣроятно дремавшему, внезапно напала на него и обезоружила, такъ что тотъ не успѣлъ даже выстрѣлить. Затѣмъ подошли къ спящему отряду и неожиданно напали на него, при чемъ было убито два офицера,

*) Большинство примѣровъ за время войны на Кавказѣ взято нами изъ прекраснаго сочиненія В. А. Потто. «Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, легендахъ и біографіяхъ», гдѣ желающіе могутъ найти массу примѣровъ доблести русскихъ солдата и офицера.

которые находились въ стоявшемъ у бивака домѣ, и когда услышали выстрѣлы, то хотѣли выбѣжать къ отряду, но были убиты вражьими пулями.

Вотъ къ какимъ гибельнымъ результатамъ ведетъ безпечность часовыхъ въ сторожевой цѣпи!

(Записано по слухамъ).

Два стрѣлка.

Въ войну съ турками 1877 года на позиціи у Зайдскана турецкая конница *напала внезапно* на сторожевую цѣпь и успѣла захватить въ плѣнъ двухъ солдатъ. Нашихъ плѣнныхъ доставили въ турецкій аріергардный отрядъ и привезли къ начальнику его. Начальникъ былъ изъ бѣглыхъ кавказскихъ горцевъ и хорошо зналъ по-русски. Онъ сталъ дѣлать плѣннымъ разспросы.

— Здорово, братцы!

— Здравія желаемъ вашему превосходительству! отвѣчали плѣнные солдаты.

— Вашъ начальникъ отряда генералъ Тергукасовъ?

— Не можемъ знать, ваше превосходительство.

— Ну, это вы, братцы, напрасно хитрите; потому, я знаю хорошо всѣхъ вашихъ начальниковъ. А сколько пѣхоты въ вашемъ русскомъ отрядѣ?

— Не можемъ знать, ваше превосходительство. Много у насъ разныхъ войскъ есть: и пѣхоты, и кавалеріи, и артилеріи.

Турецкій генералъ засмѣялся и, подумавъ, сказалъ:

— А сколько у васъ войскъ было подъ Даяромъ?

— Не можемъ знать, ваше превосходительство, отвѣчали солдаты; — про то нашъ начальникъ отряда знаетъ.

— Генералъ Амилохвари у васъ конницей командуетъ? спросилъ турецкій генералъ.

— Не можемъ знать такого генерала, отвѣчали солдаты.

Генералъ расхохотался и сказалъ:

— Значитъ я, турецкій генералъ, больше васъ знаю, кто у васъ начальники и сколько у васъ войскъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Ну, ступайте же отдыхать, приказалъ генералъ.

И плѣнныхъ повели, подъ карауломъ, къ лагерю. На ужинъ дали имъ баранины и отправили спать при трехъ

часовыхъ. Сильно страдали и мучились наши солдатики, что очутились въ плѣну — такомъ позорномъ и почти неслыханномъ для русскаго солдата положеніи; и рѣшили они или убѣжать, или если замѣтятъ, быть убитыми.

Ночью часовые развели огонекъ, а сами уснули. Солдатики наши, не смыкавшіе глазъ ни на одну минуту, замѣтили, что турецкіе часовые спятъ, взяли у нихъ два ружья и тихо поползли отъ бивака; и когда отодвинулись отъ непріятеля на нѣсколько десятковъ саженъ, то встали, вскинули турецкія винтовки на плечи и быстро ушли къ своему отряду.

IX.

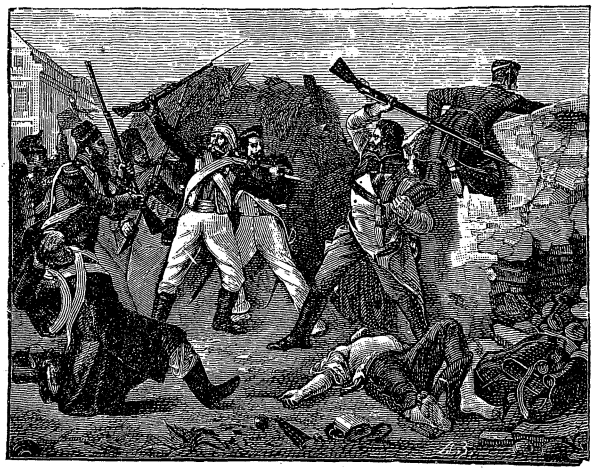
ВЫРУЧКА НАЧАЛЬНИКА И ТОВАРИЩЕЙ.

Пѣхота выручаетъ артиллерію.

2-го іюня 1807 года, подъ городомъ Фридландомъ, въ прикрытіе двухъ орудій гвардейской артиллерійской роты была назначена л.-гв. Гренадерскаго полка рота Его Величества, подъ командою капитана Кузанова. Увидавъ, что французы лѣзутъ неудержимо и грозятъ захватить орудія, межъ тѣмъ какъ часть орудійныхъ лошадей перебита, — рота эта раздѣлилась на двѣ части: одна атаками отбивала преслѣдованіе, а другая, запрягшись въ орудіе, везла его. Такимъ образомъ, несмотря на то, что самой ротѣ приходилось очень жутко, она не забыла, что дать непріятелю захватить орудіе, которое поручено ея прикрытію, значитъ то же самое, что потерять въ бою знамя.

Храброму и отъ непріятеля почетъ.

Въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, въ 1805 году, многочисленный отрядъ французскихъ войскъ окружилъ 3-й баталіонъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка. Егеря твердо отстаивали свою позицію, но многіе солдаты и офицеры были уже ранены. Тогда гренадеръ Коренной помогъ баталіонному командиру и другимъ раненымъ офицерамъ перебраться черезъ ограду, а самъ, собравъ около себя такихъ же храбрецовъ, какъ и



самъ, отстаивалъ раненыхъ, пока товарищи переносили ихъ на другую сторону, за ограду. Наконецъ, всѣ товарищи Коренного были перебиты и изъ всей кучи храбрецовъ оставался онъ одинъ. Тогда французы потребовали, чтобы Коренной сдался; но онъ, не имѣя болѣе патроновъ, въ отвѣтъ на ихъ требованіе, оборотивъ ружье, прикладомъ продолжалъ поражать французовъ. Наконецъ, раненый и истекающій кровью, Коренной былъ взятъ непріятелемъ и, какъ замѣчательно храбрый, представленъ былъ самому Наполеону. Императоръ французовъ, поставивъ подвигъ нашего гренадера въ примѣръ всей своей арміи, приказалъ особенно заботиться о немъ и, по выздоровленіи, велѣлъ освободить его изъ плѣна, въ знакъ уваженія къ примѣрной его храбрости.

Солдатская преданность и самоотверженіе.

Во время штурма крѣпости Анапы, въ 1828 году, когда турки были прижаты къ крутизнѣ, командиръ 4-й роты 14-го Егерскаго полка, штабсъ-капитанъ Томиловскій, бросившись впередъ, схватился на самомъ краю обрыва съ турецкимъ офицеромъ, который одинъ съ горстью храбрыхъ отчаянно сопротивлялся, отвергая предложенія сдаться въ плѣнъ. Долго боролись они, и русскій одолѣлъ. Томиловскій сбросилъ офицера съ крутизны, но и самъ, потерявъ равновѣсіе, былъ увлеченъ въ бездну паденіемъ противника. Камень, выдавшійся изъ крутой стѣны берега, удержалъ его, и ушибленный паденіемъ, онъ избѣгнулъ неминуемой смерти. Турецкій гарнизонъ, желая спасти хоть часть своихъ товарищей, выслалъ изъ крѣпости, вдоль берега моря, прикрытаго крутизною, небольшой отрядъ, который снизу могъ обстрѣливать край обрыва. Увидавъ Томиловскаго, висѣвшаго надъ бездною, турки открыли огонь и прострѣлили ему ногу. Два солдата изъ его роты, несмотря на явную смерть, угрожавшую имъ при малѣйшей неосторожности, спустились по выдавшимся камнямъ и, взявъ свои ружья за штыки, подали приклады своему командиру. Будучи тяжело раненъ, онъ не могъ стать на ноги, и одинъ изъ солдатъ, отъ чрезмѣрнаго усилія поднять его, потерялъ равновѣсіе и упалъ въ пропасть. Другой, видя, что онъ одинъ спасти началь-

ника своего не въ силахъ, возвратился наверхъ, позвалъ новаго товарища и готовился вторично спуститься съ утеса. Тронутый самоотверженіемъ и преданностью подчиненныхъ, Томиловскій запрещалъ имъ подвергать себя вѣрной смерти и требовалъ, чтобы они удалились, оставя его на волю Божію. Между тѣмъ другіе солдаты сняли съ убитыхъ турокъ нѣсколько поясовъ, связали ихъ вмѣстѣ, бросили конецъ Томиловскому, послѣ долгихъ усилій вытащили его наверхъ и съ торжествомъ принесли на плечахъ въ укрѣпленный лагерь. Онъ держалъ въ рукахъ богатую турецкую саблю, отнятую имъ у своего противника, какъ трофей побѣды.

Нижегородцы въ бою подъ Ахалцыхомъ.

Во время войны съ турками 1828 года, въ бою подъ Ахалцыхомъ, 4-й эскадронъ Нижегородскаго полка, подъ командою маіора Казасси, бросившись впередъ, смялъ правое крыло непріятеля; но, увлеченный погоней, занесся слишкомъ далеко и былъ окруженъ тысячными толпами турокъ. Храброму эскадрону приходилось разсчитываться за свое увлеченіе. Видя, что въ конномъ строю устоять невозможно, драгуны, не теряя мужества, спѣшились, сомкнулись въ кружокъ и нѣсколько минутъ держались въ такомъ положеніи. Но ряды быстро рѣдѣли; убитые кони разстраивали кругъ, оборона слабѣла, и эскадронъ, держа въ поводу лошадей, медленно сталъ отодвигаться назадъ, тѣснимый толпами непріятеля. Только одна минута колебанія — и гибель стала бы неизбѣжной. Но колебанія не было. Бѣгомъ подоспѣлъ сюда пѣхотный баталіонъ подъ командою Миклашевскаго, во весь опоръ прискакалъ сюда изъ 2-й линіи 3-й эскадронъ Нижегородскаго полка съ подполковникомъ Андронниковымъ, и картина боя мгновенно измѣнилась. Освобожденный отъ натиска, эскадронъ Казасси быстро сѣлъ на коней, и оба эскадрона разомъ ринулись на массу конныхъ турокъ. Не дологъ, но упоренъ былъ бой. Все перемѣшалось въ одну общую кучу. Не было счета геройскимъ подвигамъ одиночныхъ драгунъ, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ выручавшихъ другъ друга въ этой неравной сѣчѣ. Прапорщикъ Петренко и князь Чавчавадзе (Язонъ) пробились почти до самыхъ знаменъ, увлекая

за собою эскадроны. Лошадь подъ Чавчавадзе изранена, перемѣнить ее было некогда — и онъ рубится на ослабѣвшемъ,

покрытомъ кровью конѣ, рискуя ежеминутно, что не выдержитъ добрый карабахскій конь — и рухнетъ вмѣстѣ съ всадникомъ на земь, подъ конскія копыта... Вотъ толпа конныхъ турокъ навалилась на прапорщика Буткевича. Издали видно только, какъ, сверкая на солнцѣ, поднимаются и опускаются вражескія сабли. Рядовой Макаровъ бросается къ нему на помощь; онъ уложилъ трехъ турокъ, но не спасъ своего офицера — и вынесъ только изрубленное тѣло его. Въ другомъ мѣстѣ какой-то отчаянный турецкій наѣздникъ, врѣзавшійся въ ряды эскадрона, крушитъ все, что попадаетъ подъ руку: онъ уже изрубилъ двухъ драгунъ и насѣлъ на третьяго, какъ прапорщикъ Попковъ смертельнымъ ударомъ сабли повергъ его на землю. Здѣсь какой-то драгунъ схватился одинъ съ цѣлою массою курдовъ; но на помощь къ нему летитъ прапорщикъ Чавчавадзе 3-й; онъ разгоняетъ курдовъ и вырываетъ изъ ихъ рукъ драгуна, уже раненаго тремя ударами пикъ. Подъ другимъ Чавчавадзе (Романомъ)

убита лошадь; онъ нѣшій отбивается надъ трупомъ ея одинъ отъ цѣлой кучки враговъ.... Его выручаютъ драгуны. Тамъ офицеръ спасаетъ солдата, здѣсь солдатъ умираетъ за своего офицера....

Не выдержали турки боя съ этими сказочными, сверхъестественными бойцами, — и тысячи ихъ, объятые страхомъ, бѣжали передъ двумя эскадронами... Драгуны врѣзались въ толпы ихъ, разсчитываясь теперь за свою первую неудачу.

Фельдфебель Богдановъ.

25-го іюня 1853 года, 8-я рота Колыванскаго полка, въ дѣлѣ подъ Журжею, находясь въ цѣпи, разстрѣляла патроны. Въ то время, когда одна цѣпь проходила другую, командиръ 8-й роты, находясь на флангѣ цѣпи, былъ раненъ въ ногу и упалъ. Замѣтивъ это, нѣсколько турокъ окружили раненаго. Фельдфебель Богдановъ, унтеръ-офицеръ Степановъ и рядовой Моцарскій бросились на выручку своего начальника и, несмотря на численное превосходство турокъ, вырвали его изъ рукъ непріятеля.

Фельдфебель Богдановъ донесъ своего ротнаго командира до цѣпи, и самъ остался невредимъ; рядовой Моцарскій былъ заколотъ, а унтеръ-офицеръ Степановъ тяжело раненъ.

Рядовой Лоскутовъ.

Во время штурма Карса, когда охотники вскочили на валъ фронта Арабъ и погнались за бросившимися въ бѣгство турками, Абхазскаго полка рядовой 5-й роты Лоскутовъ замѣтилъ турка, который, опустившись на колѣни, цѣлился въ младшаго офицера команды, барона Менгдена.

— Ваше благородіе, закричалъ онъ, — въ васъ стрѣляютъ!

И въ ту же минуту, перекрестившись, онъ подскочилъ къ своему офицеру и закрылъ его своею грудью. Грянулъ выстрѣлъ и пуля, только слегка задѣвъ обоихъ, пролетѣла мимо.

Черезъ минуту турокъ погибъ подъ ударами Менгдена и Лоскутова.

Саперъ Афанасій Прокофьевъ.

Во время защиты Севастополя, на одной куртинѣ упала бомба и зажгла туры и фашины, такъ что нельзя было стрѣлять изъ амбразуры. Саперъ 3-го баталіона Афанасій Прокофьевъ, нисколько не думая, что снарядъ можетъ разорвать на куски и осколками убить его перваго, живо сперва землей забросалъ бомбу, а потомъ вывернулъ изъ нея трубку, и этимъ спасъ товарищей отъ смерти и увѣчья. Пожаръ въ амбразурѣ тоже скоро потушили. За этотъ подвигъ Прокофьевъ получилъ Георгіевскій крестъ.

Жизнью пожертвуй, а товарища выручи.

10-го марта 1859 года, 3-й и 4-й баталіоны Апшеронскаго полка, въ нагорной Чечнѣ, были назначены для вырубки лѣса. Обѣ стрѣлковыя роты этихъ баталіоновъ и двѣ линейныя, одна изъ нихъ, 10-я рота (гдѣ состоялъ унтеръ-офицеръ Эстифоровъ), были назначены въ прикрытіе рабочихъ прочихъ ротъ; 10-я рота была расположена на площадкѣ, по которой была выставлена отъ той же роты цѣпь.

Только что началась работа, какъ въ цѣпи, въ особенности, гдѣ расположена была 4-я стрѣлковая рота, началась сильная перестрѣлка. Горцы приблизились подъ прикрытіемъ срубленныхъ вѣковыхъ деревьевъ, такъ близко, что били нашихъ стрѣлковъ на выборъ, одного за другимъ; тогда начальникъ цѣпи, прапорщикъ Цитліевъ, рѣшился выбить штыками горцевъ изъ занимаемой ими позиціи, и атаковалъ ихъ. Несмотря на малочисленность людей (28 человѣкъ), Цитліевъ успѣлъ-таки выбить ихъ изъ засѣки. Но, пораженный 6-ю пулями, упалъ, раненый, поперекъ срубленнаго дерева.

Завязался страшный переполохъ: стрѣлки не хотѣли уступить своего офицера, а горцы, въ свою очередь, желали во что бы то ни стало воспользоваться такимъ призомъ, какъ раненый офицеръ, за котораго разсчитывали, впослѣдствіи, по излѣченіи, взять хорошій выкупъ. Обѣ стороны бросались въ штыки и шашки, но все безуспѣшно. Видя, что безъ большого урона съ той и другой стороны не достигнуть желаемаго — не захватятъ живого, обѣ стороны залегли подъ дерево, на которомъ лежалъ Цитліевъ, стрѣлки

держали его за руки, а горцы за ноги, и каждый тянулъ на свою сторону. Положеніе офицера было ужасно. Резервъ далеко; за чащей лѣса и шумомъ отъ топоровъ и срубленныхъ деревьевъ ничего не было слышно; дать знать не было возможности. Преслѣдуя горцевъ, стрѣлки увлеклись далеко и попали въ такую чащу, что трудно было выйти, но вотъ Богъ послалъ избавителя въ лицѣ храбраго унтеръ-офицера Эстифорова, который, начальствуя надъ цѣпью 10-й роты, расположенной на краю площадки, первый усмотрѣлъ безвыходное положеніе офицера и стрѣлковъ. Въ мигъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, унтеръ-офицеръ Эстифоровъ, взявши два звена, бросился съ площади, съ высоты $2^1/_2$ саженей, прямо въ средину горцевъ. Такое внезапное появленіе храбрецовъ смутило горцевъ и ободрило нашихъ стрѣлковъ. Отбивши прапорщика Цитліева, унтеръ-офицеръ Эстифоровъ, несмотря на полученную рану, взвалилъ прапорщика на плечи и вынесъ къ своей ротѣ, предоставивъ стрѣлкамъ отступить почти безъ выстрѣла, потому что горцы такъ были поражены подвигомъ Эстифорова, что бросились бѣжать въ разсыпную.

Начальникъ отряда, баронъ Врангель, узнавъ о подвигахъ унтеръ-офицера Эстифорова и о томъ, что онъ, раненый, спасъ прапорщика Цитліева, похвалилъ Эстифорова и навѣсилъ на грудь достойнаго храбреца знакъ отличія Военнаго Ордена. 10-я рота привѣтствовала новаго кавалера крикомъ «ура», и безчисленныя обниманія товарищей доказали, какъ солдаты глубоко цѣнятъ храбраго. Всѣ офицеры отъ души поздравили Эстифорова съ наградой. Память о подвигѣ Эстифорова до сихъ поръ сохраняетъ въ полку и слава о немъ будетъ переходить изъ рода въ родъ, отъ стараго къ малому.

Рядовой Чаплыгинъ.

При атакѣ Горнаго-Дубняка, во время перебѣжекъ, между прочими, ранены лейбъ-гренадеры: капитанъ Гаммеръ, штабсъ-капитанъ Сероцинскій и поручикъ Моисеевъ. Послѣдній не можетъ двигаться безъ поддержки, но рядовой его роты, Чаплыгинъ, отводитъ его въ сторону и, продолжая стрѣлять, самъ ложится передъ нимъ, чтобы прикрыть его отъ огня собственнымъ тѣломъ....

Спасеніе корнета князя Яшвиля.

Въ послѣднюю войну съ турками, во время одной стычки, молодой драгунскій офицеръ, князь Яшвиль, увлекся и выскочилъ впередъ, чѣмъ воспользовались турецкіе стрѣлки и подстрѣлили у него лошадь. Соскочивъ на землю, князь бросился было назадъ, но на него начали налетать черкесы съ обнаженными ятаганами. Въ эту минуту къ Яшвилю подскакиваетъ солдатъ, сходитъ съ лошади, подаетъ коня офицеру, а самъ остался въ полѣ, обрекая себя почти на вѣрную смерть. Яшвиль взялъ его съ собою.

X.

СБЕРЕЖЕНІЕ КАЗЕННАГО ИМУЩЕСТВА.

Забота о казенномъ имуществѣ.

Восьмого октября 1812 года, въ сраженіи съ французами при Ушачѣ былъ взятъ въ плѣнъ 2-го Егерскаго полка рядовой Ѳаддей Ивановъ; находясь въ рукахъ непріятеля, онъ нашелъ случай бѣжать и, явившись въ полкъ, представилъ всѣ въ цѣлости, бывшія у него, артельныя деньги.

За такой честный и примѣрный поступокъ Ѳаддея Иванова, оправдавшаго вполнѣ довѣріе товарищей, выбравшихъ его артельщикомъ, Главнокомандующій приказалъ произвесть его въ унтеръ-офицеры и, сверхъ того, наградить выдачею семидесяти пяти рублей изъ экстраординарной суммы.

Первая забота — казенная вещь.

20-го сентября 1877 года, во время сраженія на Кавказѣ у Малыхъ Ягновъ, на одной батареѣ былъ сильно раненъ запасный ѣздовой и подъ нимъ убита лошадь. Подходитъ командиръ къ этому ѣздовому и спрашиваетъ его:

— Что, братецъ, тебя ранили?

— Оно такъ точно, ваше высокоблагородіе, отвѣчаетъ солдатъ.

— А ты самъ дойдешь до перевязочнаго пункта? спрашиваетъ командиръ.

— Оно такъ точно, ваше высокоблагородіе, потому оно такъ, что въ говядину ранили, а кость значитъ не разбита.

— Ну ступай на перевязку, приказываетъ командиръ.

Ѣздовой сперва помялся на мѣстѣ, посмотрѣлъ на свою убитую лошадь и говоритъ:

— Это оно такъ точно, ваше высокоблагородіе, надо пойтить, да какъ же быть съ хомутомъ?

— Вотъ молодецъ, похвалилъ командиръ, — спасибо, братецъ; первая забота должна быть казенная вещь!

Хомутъ сняли, а ѣздовой не ушелъ до тѣхъ поръ, пока фельдфебель его не принялъ.

Вотъ, это примѣрный солдатъ!

Какъ солдатъ бережетъ казенныя вещи.

Въ бою 20-го сентября подъ Кизиль-Тапой, 2-я стрѣлковая рота Абхазскаго полка была выслана въ цѣпь. Ротный командиръ, штабсъ-капитанъ Сушковъ, рѣшился занять своей ротой Маврякъ-чайскій оврагъ, проходившій почти у самой подошвы Кизиль-Тапы; но едва цѣпь приблизилась къ оврагу шаговъ на 400, какъ оттуда полился цѣлый дождь пуль. Рота залегла, штабсъ-капитанъ Сушковъ, не зная много ли скрывается въ оврагѣ непріятеля, не рѣшился сразу атаковать и послалъ на развѣдку рядовыхъ Юдина и Столбова, приказавъ имъ ползти на брюхѣ.

Юдинъ и Столбовъ отправились; но, отползши шаговъ пятьдесятъ, они поднялись на ноги и, не обращая вниманія на то, что въ нихъ былъ направленъ страшный огонь, не то-

ропясь исполнили возложенное на нихъ порученіе. По возвращеніи они доложили, что непріятеля можно охватить съ фланга, что и было тотчасъ же исполнено. Турки отступили.

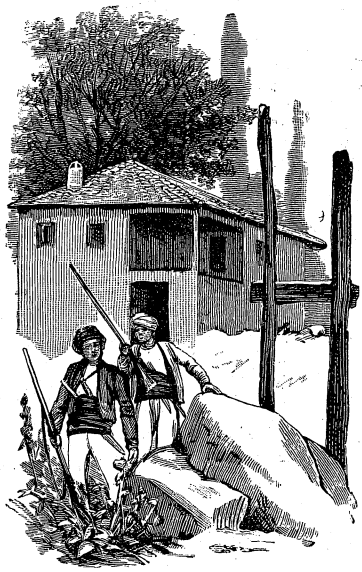
— Зачѣмъ вы встали, а не ползли? спросилъ ротный командиръ своихъ молодцовъ.

— На насъ мундиры 1-го срока, ваше благородіе, отвѣчали они, — а послѣ сраженія Великій Князь, навѣрное, смотръ сдѣлаетъ, какъ же мы бы явились изодранные, да выпачканные: вишь тутъ камня сколько — страсть!

И Юдинъ, и Столбовъ оба были награждены знакомъ отличія Военнаго Ордена *).

XI.

СОЛДАТСКІЯ ДОБРОДѢТЕЛИ.



Солдатское великодушіе.

Нѣкоторые изъ турокъ, изумленные храбростью русскихъ во время штурма крѣпости Варны, въ 1828 году, въ первыя минуты страха заперлись въ домахъ, стрѣляя изъ-за каменныхъ оградъ по нашимъ солдатамъ. Однимъ изъ выстрѣловъ былъ убитъ русскій офицеръ, командовавшій небольшимъ отрядомъ. Въ одно мгновеніе двери дома, откуда былъ

*) Конечно, такая заботливость о казенномъ имуществѣ похвальна, но нужно помнить, что въ бою самое главное исполнять необходимо то, что приказано и для этого нечего жалѣть даже жизни. А тутъ солдатъ могли легко убить и они не исполнили бы своего дѣла, для котораго можно было бы смѣло пожертвовать мундиромъ.

сдѣланъ выстрѣлъ, были выбиты прикладами. Солдаты ворвались въ домъ, гдѣ нашли стараго турка, равнодушно ожидавшаго неизбѣжной смерти. Его окружала толпа женщинъ, вопившихъ отъ ужаса. Уже штыки сверкали надъ несчастными, когда одна изъ турчанокъ, отъ страха ли, или желая показать, что она не магометанка, начала креститься; ея примѣру послѣдовали всѣ другія. При видѣ крестнаго знаменія русскіе солдаты отступились. «Стой, братцы, стой не коли! закричалъ одинъ изъ гренадеръ: — развѣ не видите, что не басурманки, а такія же, какъ мы, православныя». При этихъ словахъ солдаты вышли изъ дома, не сдѣлавши ни малѣйшаго вреда и оскорбленія семейству, пришедшему въ отчаяніе.

Лежачаго не бьютъ.

Въ 1854 году, въ дѣлѣ подъ Журжею, рядовой 4-й роты Томскаго егерскаго полка Матвѣй Петровъ бросился на двухъ непріятельскихъ застрѣльщиковъ. Заколовъ ближайшаго, онъ ударомъ приклада повалилъ другого и, не желая бить лежачаго, — требовалъ сдачи, но турокъ упорствовалъ и, лежа на землѣ, старался ранить штыкомъ Петрова. «Ну коли не хочешь въ плѣнъ, такъ вставай; посмотримъ чья возьметъ!» Съ этими словами Петровъ освободилъ турка изъ-подъ штыка. Турокъ, вскочивъ, бросился на храбраго егеря; нѣсколько непріятельскихъ застрѣльщиковъ бѣжали на помощь товарищу; тогда Петровъ ударилъ турка штыкомъ такъ, что тотъ уже болѣе не подымался.—«Теперь на меня не пеняй, самъ виноватъ, бритая башка», промолвилъ Петровъ и, сдѣлавъ выстрѣлъ по бѣгущимъ на него туркамъ, вернулся къ цѣпи.

Рядовой Сидоръ Ревелюкъ.

16-го апрѣля 1854 года турки, переправившись противъ Турно, держались за остатками насыпи, бывшими на лѣвомъ берегу Дуная. 4-я гренадерская и 12-я мушкатерская роты Тобольскаго пѣхотнаго полка приступомъ овладѣли укрѣпленіями и опрокинули турокъ къ рѣкѣ. Непріятель сталъ пере-

правляться на правый берегъ. Одна изъ лодокъ, пробитая нашимъ ядромъ, не успѣла отплыть и 50 шаговъ отъ берега, какъ начала тонуть вмѣстѣ съ находившимися въ ней людьми. Рядовой 12-й роты Сидоръ Ревелюкъ, замѣтивъ, что лодка идетъ ко дну, сталъ просить ротнаго командира: «Позвольте забрать ихъ, ваше благородіе, ни за нюхъ табаку пропадутъ бритые балбесы!» Капитанъ махнулъ рукой: — «бери себѣ!»

Сидоръ Ревелюкъ, не обращая вниманія на сильный огонь съ другой стороны, подошелъ къ берегу и знаками далъ знать туркамъ, чтобы они бросили свое оружіе въ воду. Турки бросили оружіе и также знаками умоляли о спасеніи. Ревелюкъ, сбросивъ съ себя одежду, кинулся въ воду, вплавь достигъ лодки и, привязавъ переданный ему канатъ къ рулю, поплылъ обратно къ берегу, таща за собою лодку съ 50-ю турками, изъ числа которыхъ 30 человѣкъ было живыхъ и 20 убитыхъ.

Въ самый разгаръ славной Наваринской битвы, когда наши были ожесточены противъ турокъ и тѣ кидались даже въ море со своихъ кораблей, чтобы спастись, матросы наши бросали имъ концы и многихъ спасли отъ неминуемой смерти. Адмиралъ графъ Гейденъ, одобряя такое великодушіе нашихъ матросовъ, обнялъ стоявшаго близъ него офицера и воскликнулъ:

— Это славно! похвально! молодцы матросы! они столько же добры, сколько и храбры.

Солдатская скромность.

Въ 1813 году, когда войска союзниковъ проходили по каменистымъ и трудно проходимымъ мѣстамъ Тюрингенскихъ лѣсовъ, одинъ изъ молодыхъ прусскихъ солдатъ, истоптавшій свои сапоги, отсталъ отъ полка и, сидя при дорогѣ, жаловался, что ноги его опухли и онъ не можетъ идти далѣе и нагнать своихъ безъ обуви. Въ это время проходилъ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ. Одинъ изъ рядовыхъ, не выходя изъ строя, бросилъ мимоходомъ прусскому солдату новые сапоги, которые висѣли у него на тесакѣ. Это случилось ночью, при слабомъ сіяніи луны, едва освѣщавшей темноту лѣса. Многіе изъ офицеровъ видѣли это благотво-

реніе; всѣ были свидѣтелями признательности облагодѣтельствованнаго, но никто не могъ найти благотворителя. Подаяніе было сдѣлано такъ неожиданно и такъ поспѣшно, что никакъ нельзя было замѣтить подавшаго. Напрасно полковой командиръ вызывалъ достойнаго солдата, желая сдѣлать ему приличную награду, — скромный и добросердечный воинъ не захотѣлъ сдѣлать благороднаго поступка своего гласнымъ и не явился на вызовъ.

Помощь на пожарѣ.

27-го іюля 1890 года возникъ пожаръ въ деревнѣ Борисовской, отстоящей отъ г. Казани въ 8-ми верстахъ и въ полуверстѣ отъ юнкерскихъ бараковъ. Пожаръ начался въ домѣ крестьянина Павлова и быстро распространился на 8 сосѣднихъ домовъ. Начальство училища, узнавъ о пожарѣ, быстро собрало юнкеровъ, которые, прибывъ на пожаръ, со своимъ начальникомъ полковникомъ Защукомъ и офицерами во главѣ, остановили дальнѣйшее быстрое распространеніе пожара. Дружной, энергической и самоотверженной работѣ юнкеровъ на пожарѣ жители дер. Борисовской обязаны спасеніемъ уцѣлѣвшихъ отъ пожара домовъ.

По доведеніи казанскимъ губернаторомъ до свѣдѣнія командующаго войсками округа о семъ случаѣ, послѣдній объявилъ въ приказѣ свою искреннюю благодарность начальнику училища полковнику Защуку и офицерамъ за ихъ распорядительность, а юнкерамъ за выказанныя ими при тушеніи пожара самоотверженность, энергію и дружную работу.

Спасеніе погибавшаго.

25-го мая 1889 года, во время бывшаго въ мѣстечкѣ Кретингенѣ пожара, унтеръ-офицеръ Горджинской бригады пограничной стражи Дерканъ, подвергая свою жизнь опасности, вынесъ изъ объятаго пламенемъ зданія Кретингенскаго лазарета малолѣтнюю дочь завѣдывающаго лазаретомъ ротмистра Енько, получивъ при этомъ ушибы въ грудь и лицо. Госу-

дарь Императоръ, по всеподданнѣйшему представленію министра финансовъ, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать названному нижнему чину, за означенный подвигъ человѣколюбія, серебряную медаль съ надписью «За спасеніе погибавшихъ» для ношенія на груди на Владимірской лентѣ.

Казакъ Киселевъ.

роѣзжая 1-го апрѣля 1896 года по улицѣ города Хабаровска, казакъ Амурскаго казачьяго полка Михаилъ *Киселевъ* получилъ приказаніе начальника убить бѣшеную собаку, которая бросалась на проходящихъ. Чтобы исполнить приказаніе, Киселевъ соскочилъ съ лошади и не успѣлъ еще вынуть шашку, какъ былъ укушенъ въ руку этою собакою. Когда затѣмъ собака поранила чиновника и бросилась на проходившую дѣвочку, она была настигнута Киселевымъ и убита. Незначительная рана на рукѣ имѣла слѣдствіемъ смерть казака черезъ нѣсколько дней.

По этому поводу временно-командующій войсками Приамурскаго военнаго округа генералъ-лейтенантъ Гродековъ отдалъ слѣдующій приказъ по войскамъ:

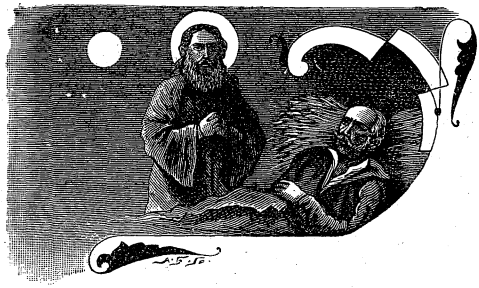
«Киселевъ погибъ, исполняя приказаніе начальника и спасая отъ смертельной опасности людей. Грустно, что мы потеряли вѣрнаго слугу Царскаго, но утѣшительно сознаніе, что онъ погибъ, исполняя свой долгъ, «положилъ душу свою за други своя».

«Для воина одинаково почетно умереть, исполняя долгъ, въ бою ли съ непріятелемъ, въ огнѣ ли на часахъ, отъ голода ли и жажды при осадѣ и въ походѣ по пустынѣ, или отъ укушенія бѣшеной собаки.

«Казакъ Киселевъ умеръ, а русская армія живетъ вѣчно, храня завѣтъ предковъ: свято блюсти присягу, повиноваться долгу и чести.

«Вѣчная память Киселеву!»

Примѣрная твердость духа.



Въ войну 1806—1807 годовъ съ французами, въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Волконскаго, подъ Станиславовымъ, ядро оторвало ногу Украинскаго мушкетерскаго полка одному рядовому, имя котораго, къ сожалѣнію, осталось неизвѣстнымъ. Врачъ перевязалъ рану, и офицеръ посадилъ раненаго на свою лошадь. Послѣ боя врачъ объявилъ, что антоновъ огонь достигъ до живота и что раненый долженъ умереть. Услышавъ этотъ приговоръ врача, раненый нисколько не встревожился; напротивъ, оборотясь къ своимъ товарищамъ, увѣрялъ ихъ, доказывая вмѣстѣ съ тѣмъ и своимъ спокойствіемъ, что онъ страждетъ мало, что смерть его легка и что онъ встрѣчаетъ ее равнодушно. Видя слезы своихъ товарищей, онъ утѣшалъ ихъ, разсказывалъ о страданіяхъ своего отца, умершаго у себя въ домѣ отъ каменной болѣзни, и о родномъ своемъ братѣ, сгорѣвшемъ во время пожара; благословлялъ Бога за то, что Онъ не допустилъ его до подобныхъ мученій, сподобивъ умереть за вѣру, царя и родину, и молился о ниспосланіи такой же славной смерти и его сыну. Священникъ не имѣлъ нужды увѣщевать или утѣшать умиравшаго воина, который подавалъ всѣмъ примѣръ необыкновенной твердости и величія духа, вполнѣ сохранилъ ихъ до послѣдняго дыханія и умеръ какъ истинный христіанинъ и солдатъ. Слезы его начальниковъ и товарищей почтили память героя, имя котораго осталось неизвѣстнымъ.

Любовь къ отчизнѣ въ 1812 году.

Въ 1812 году, въ одномъ селеніи, на сборный пунктъ для пріема ратниковъ ополченія, пришелъ пятидесятивосьмилѣтній старикъ Василій, съ тремя женатыми сыновьями. «Мы всѣ годны на службу Богу и великому государю! сказалъ онъ. Если же требуется одного только изъ насъ взять, то запишите меня». Услышавъ, что его нельзя взять за старостью, онъ горестно воскликнулъ: «О старость, старость! что бы тебѣ еще подождать лѣтъ десятокъ!» Великодушному отцу отданъ былъ на волю выборъ ратника; онъ вывелъ средняго своего сына, здороваго и рослаго. Потомъ снялъ съ себя крестъ, надѣлъ на сына и твердымъ голосомъ сказалъ: «Прими, сынъ, благословеніе, служи вѣрою и правдою Богу и государю! Я пятьдесятъ восемь лѣтъ носилъ этотъ крестъ— онъ оборонялъ меня отъ всѣхъ напастей; пусть и тебя сохранитъ отъ бѣды и врага! Если же по волѣ Творца Небеснаго положишь голову на полѣ ратномъ, тогда взгляни на крестъ въ послѣдній часъ свой и вспомни о братьяхъ своихъ и обо мнѣ. Ступай, Богъ съ тобой!» Старикъ еще разъ благословилъ сына, обнялъ его и простился.

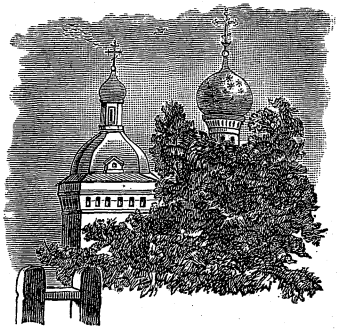
Въ 1812 году, въ городѣ Воронежѣ былъ рекрутскій наборъ и на очереди стояли два родные брата, Петръ и Василій Горбатовы: одинъ двадцати-трехъ лѣтъ, другой — пятнадцати. Старшій былъ принятъ на службу, а младшему было отказано. Огорченный такимъ распоряженіемъ, младшій убѣдительно сталъ проситься вмѣсто старшаго брата. «Не смотрите на мою молодость, говорилъ онъ, — спросите брата моего, онъ

вамъ скажетъ, что я одолѣвалъ въ борьбѣ и его, и прочихъ нашихъ молодцовъ. И неужели я буду сидѣть на печи, тогда какъ вся Россія воюетъ?» Старшій сынъ подтвердилъ слова его. «Видите ли, продолжалъ съ радостью молодой парень, — видите ли, я правду говорю. Братъ мой женатъ, у него есть дѣти; матушка наша стара, ей нужна помощь; да она же сама благословила меня на службу государеву». — «Неправда, — прерываетъ старшій братъ, — неправда, она меня, а не тебя благословила. Корми матушку, береги жену и дѣтей моихъ, а я самъ пойду на службу. А если и до тебя дойдетъ очередь, то Богъ, государь и добрые люди не оставятъ нашихъ сиротъ: за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ». Во все время сборовъ и ученій, младшій братъ не оставлялъ старшаго, и когда послѣдній былъ назначенъ во вновь сформировавшійся баталіонъ для укомплектованія полковъ и отправлялся къ своему назначенію, то младшій, прощаясь съ нимъ, сказалъ: «Если тебя убьютъ, я пойду на время: отомщу, или самъ подлѣ тебя лягу!»

Демьянъ Пальниченко.

Въ 1812 году, когда послѣ указа объ отставныхъ, послѣдовалъ сборъ ихъ по уѣздамъ, одинъ изъ нихъ, Демьянъ Пальниченко, довольно еще крѣпкій, но какъ «лунь во браняхъ посѣдѣвшій», придя къ одному уѣздному начальнику, въ Воронежской губерніи, и вынувъ изъ-за пазухи ящичекъ, взялъ свой послужной списокъ и подалъ его начальнику, говоря: «Я, ваше высокоблагородіе, слышалъ, что отставныхъ солдатъ принимаютъ опять на службу, и давно бы пришелъ, если бы не такъ далеко отсюда жилъ. Прочитайте о службѣ моей: я былъ во всѣхъ прусскихъ походахъ и радъ опять служить Богу и великому государю!» — По вычисленіи лѣтъ службы и отставки стараго служаки, оказалось, что ему девяносто-три года отъ роду. Начальникъ приказалъ отмѣтить его неспособнымъ къ службѣ и, чтобы не огорчить старика, сказалъ, что желаніе его будетъ исполнено. На другой день, узнавъ о настоящемъ своемъ назначеніи, старый служивый Демьянъ Пальниченко пришелъ къ начальнику и съ горестью сказалъ: «И, ваше высокоблагородіе! Видно, нынѣ стало мало

правды! Бога вы не боитесь. Вы сказали мнѣ, что я въ службу буду принятъ, а на указѣ надписали: за старостью уволенъ. Мнѣ къ службѣ не привыкать; повѣрьте, ваше высокоблагородіе, что намъ, старикамъ, дойти бы только до ратнаго поля, а тамъ назадъ уже не попятимся. Молодыхъ впередъ поведемъ. Отцы наши, благословляя насъ на службу, говаривали такъ: служи до гробовой доски Богу и Государю. А мнѣ и жить, можетъ статься, осталось немного, такъ хотѣлось бы дослужить до конца дней моихъ, по завѣту отцовскому!»



Безкорыстіе.

Въ 1821 году, 22-го іюля, въ Троицкой церкви города Архангельска, во время Божественной литургіи, отъ неосторожности пономаря, загорѣлся надъ алтаремъ нижняго этажа деревянный карнизъ. аходящійся въ это время вблизи отъ церкви, вахмистръ тамошней жандармской команды Семенъ Никитинъ, увидѣвъ огонь, немедленно прибѣжалъ въ церковь, влѣзъ на карнизъ и, будучи объятъ пламенемъ, пренебрегая очевидную опасность, при помощи весьма малаго числа людей, прекратилъ скоро пожаръ. За таковой отличный поступокъ вахмистра Никитина, бывшій въ то время въ церкви, тамошній корабельный смотритель, г. Афанасьевъ, далъ ему въ награду пять рублей, но онъ, принявъ ихъ, въ то же время пожертвовалъ въ пользу церкви.

Вышеописанный поступокъ вахмистра Никитина былъ доведенъ до Высочайшаго свѣдѣнія, и Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ему 500 рублей.

Солдатская честность.

Въ сентябрѣ 1855 года, казаки Донского № 22 полка захватили около Байдарской долины двухъ французскихъ маркитантовъ съ огромною повозкою. Чего на этой повозкѣ

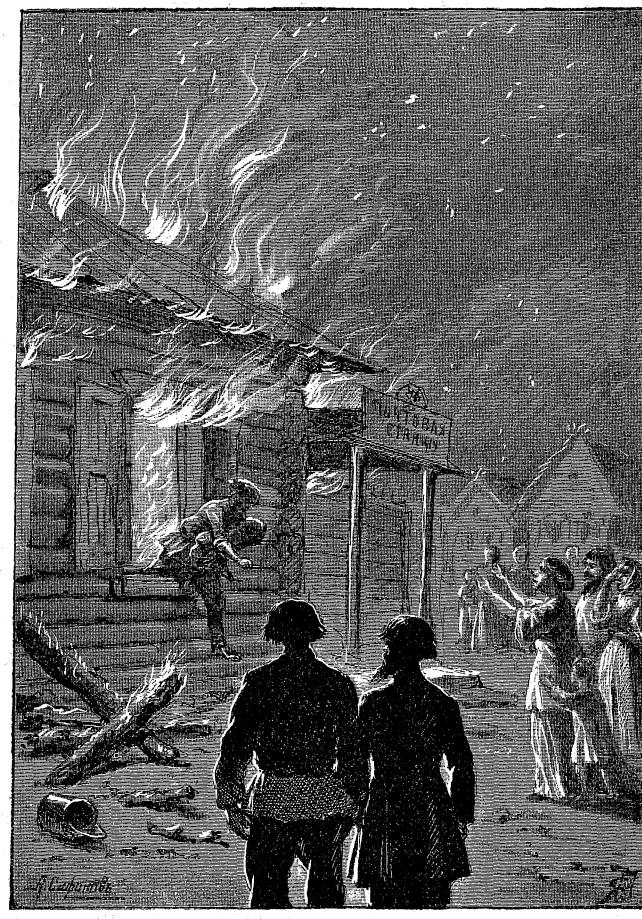
не было: и булки, и трубки, и вина, и водки, и сыры, и селедки, да еще денегъ у маркитантовъ золотомъ, серебромъ и мѣдью, по нашему счету, рублей на 400. Кусокъ довольно лакомый, и что же? — все было представлено полностію къ полковому командиру. Съѣстное и питейное взяли, только за все заплатили, сколько слѣдовало. Табакъ не понравился. Французы удивились честности русскихъ солдатъ.

Въ 1805 году, полковой кузнецъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Антонъ Ивановъ, увидѣвъ, что непріятель приближается къ пороховымъ ящикамъ, отстоявшимъ довольно далеко отъ полка, проворно сѣлъ на одинъ изъ нихъ и уѣхалъ въ ближайшій лѣсъ. Тамъ онъ разломалъ ящикъ, и хотѣлъ истребить порохъ, чтобы онъ не достался непріятелю, но, къ удивленію своему, увидѣлъ, вмѣсто пороха, нѣсколько тысячъ рублей полковыхъ денегъ и дорогой цѣны бриліянтовые знаки ордена Св. Анны 1-й степени. Кузнецъ все это поспѣшно спряталъ къ себѣ и не являлся нѣсколько дней. Вдругъ Ивановъ пришелъ и принесъ въ цѣлости все находившееся въ ящикѣ. Командиръ полка, уважая безкорыстіе и честность, наградилъ его сотнею червонцевъ.

Въ концѣ 1809 года, возвратившійся изъ плѣна отъ шведовъ, рядовой Пермскаго мушкетерскаго полка Аѳанасій Дороховъ, представилъ Абовскому коменданту, полковнику Ставракову, артельныхъ денегъ 200 рублей ассигнаціями, и принадлежавшихъ подпоручику Куроѣдову 2 червонца и два рубля серебромъ, которые были ввѣрены ему отъ роты и которые онъ въ цѣлости сохранилъ въ плѣну.

Въ приказѣ бывшаго тогда Военнаго Министра, отъ 21-го февраля 1810 года, которымъ объявлено по арміи о безкорыстіи, вѣрности и примѣрномъ поступкѣ рядового Дорохова, присовокуплено, что Государю Императору весьма пріятно было усмотрѣть новый опытъ нравственной правоты и честности, издревле укоренившихся въ вѣрныхъ Его подданныхъ, и благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть: артельныя деньги отослать въ Пермскій мушкетерскій полкъ; рядовому же Дорохову выдать изъ кабинета Его Величества въ награду 300 рублей ассигнаціями.

14-го апрѣля 1824 года, Ямбургскаго уѣзда въ деревнѣ Кобылякахъ загорѣлась ночью изба крестьянина Семена Николаева, котораго, на бѣду, не было дома, а хозяйка такъ перепугалась, что едва выскочила изъ огня и не успѣла выхватить своихъ двоихъ дѣтей. Крестьяне сбѣжались и принялись тушить пожаръ. Въ это время случился въ деревнѣ



и прибѣжалъ на пожаръ казакъ 7-го Черноморскаго эскадрона, Василій Грабъ. Весь домъ былъ въ огнѣ, а малютки, которыхъ уже душилъ и припекалъ жаръ, испускали отчаянный крикъ. Грабъ кинулся въ огонь, вскочилъ въ окно, схватилъ обоихъ дѣтей и съ ними выпрыгнулъ въ то же окно живъ и здоровъ. Самъ помѣщикъ селенія и всѣ крестьяне засви-

дѣтельствовали передъ начальствомъ, что страшно было смотрѣть, какъ Василій Грабъ полѣзъ въ огонь, и они думали уже, что казакъ погибъ; но казакъ полѣзъ въ огонь съ молитвою и вынесъ младенцевъ. Господь помиловалъ его и ихъ.

Государь Императоръ за это славное дѣло пожаловалъ Грабу медаль съ надписью: «за спасеніе погибавшихъ» и пятьсотъ рублей.

Въ Итальянскую кампанію, въ 1799 году, было отдано Суворовымъ приказаніе, чтобы каждаго солдата, отличившагося храбростью или другимъ какимъ-либо доблестнымъ поступкомъ, представлять ему лично. Въ сраженіи при Требіи, рядовой изъ полка Ферстера, Митрофановъ, взялъ со своимъ товарищемъ въ плѣнъ трехъ французовъ. Подбѣжавшіе къ нимъ, другіе наши солдаты хотѣли-было, въ пылу ожесточенія, изрубить французовъ; но Митрофановъ не допустилъ ихъ, сказавъ: «Нѣтъ, ребята, я далъ имъ пардонъ. Пусть и французъ знаетъ, что русское слово твердо».

За такой благородный поступокъ Митрофановъ былъ представленъ Суворову, и на вопросъ его: «Кто научилъ тебя быть такимъ добрымъ?» отвѣчалъ: «Русская азбука с. т. (слово твердо) и словесное вашего сіятельства поученіе: солдатъ — христіанинъ, а не разбойникъ». — Суворовъ съ восторгомъ обнялъ его и тутъ же на мѣстѣ произвелъ въ унтеръ-офицеры.

24-го іюля 1854 года, въ сраженіи при Курукъ-Дарѣ, послѣ рукопашной схватки, когда 1-й баталіонъ гренадеръ опрокинулъ штыками густыя колонны непріятеля и преслѣдовалъ турокъ, рядовой Тимофей Велигусъ, раненый въ ногу, сидѣлъ на землѣ; а около него лежалъ въ изнеможеніи раненый турокъ. Велигусъ досталъ изъ сумки сухарь и сталъ его усердно грызть. Видя это, турокъ весьма понятными знаками выразилъ, что чувствуетъ голодъ. «А! сказалъ Велигусъ, проголодался, бѣдный, ладно, позавтракаемъ, я зла не помню!» — и далъ ему сухарей.

Гродненскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона унтеръ-офицеръ Гавріилъ Артемьевъ, 21 іюня 1822 года, найдя въ городѣ Гроднѣ 1,000 рублей, представилъ ихъ баталіонному командиру, которымъ означенныя деньги были препровождены къ гражданскому губернатору, для выдачи по принадлежности.

По докладу объ этомъ, Государь Императоръ Всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ унтеръ-офицеру Артемьеву 500 рублей.